

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Л.В. Алиева, Н.П. Никитина

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПСКОВСКОЙ
ДЕРЕВНИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ**

**Учебно-методическое пособие для обучающихся по
направлению «История»**

**Псков
2016**

ББК 63.3(2)я73

А 50

Печатается по решению кафедры отечественной истории ПсковГУ.

Алиева Л. В., Никитина Н. П. Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации. Учебно-методическое пособие для обучающихся по направлению «История». Псков: ПсковГУ, 2016. 124 с.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор кафедры истории Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта

В. Н. Никулин

кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории ПсковГУ

С. В. Кускова

Пособие подготовлено на основе широкого круга источников и научной литературы, с учетом научных и практических результатов, полученных в рамках реализации проекта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-11-60001) и Государственного комитета Псковской области по культуре «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации».

Издание адресовано обучающимся на исторических факультетах по программам бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, специалистам, а также учителям истории.

ISBN

© Псковский государственный университет

© Л.В. Алиева, Н.П. Никитина, 2016

Оглавление

Введение	4
Методические рекомендации студентам по освоению материала спецкурса «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации»	8
Модуль № 1. Теоретико-методологические концепции социального пространства	11
Модуль № 2. Физическое пространство псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.	19
Модуль № 3. Социальное пространство деревни второй половины XIX – первой трети XX вв. в отечественной историографии	29
Модуль № 4. Источники изучения социального пространства псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.	56
Модуль № 5. Социальное пространство псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв.	63
Модуль № 6. Социальное пространство псковской деревни 1917 – 1930-х гг.	80
Темы рефератов и курсовых работ	103
Глоссарий	105
Источники информации	107

Введение

Изучение проблем социально-экономического развития России второй половины XIX – первой трети XX вв. традиционно занимает значительное место в подготовке бакалавров, магистров и аспирантов исторического факультета Псковского государственного университета. При этом зачастую акцент делается на анализе модернизации аграрного строя России обозначенного периода. Это обусловлено значительными трансформациями в жизни российской деревни, вызванными Крестьянской реформой 1861 г., столыпинской аграрной реформой, революциями начала XX в., Первой мировой войной, политикой «военного коммунизма», новой экономической политикой, политикой коллективизации сельского хозяйства и др. событиями, явлениями и процессами. Конкретизировать представления обучающихся о модернизационных процессах в жизни российской деревни можно только на конкретно-историческом материале, поэтому, учитывая профиль ряда реализуемых на историческом факультете программ, нами разработано учебно-методическое пособие к спецкурсу «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации». Предметом рассмотрения в рамках спецкурса является псковская деревня второй половины XIX – первой трети XX вв., объектом – изменения, происходившие в псковской деревне указанного периода под влиянием модернизационных процессов.

Данное учебно-методическое пособие включает в себя материал для комплексного изучения изменений, происходивших в псковской деревне второй половины XIX – первой трети XX вв., который для удобства

изучения был разбит нами на несколько тематических модулей:

- Модуль № 1. Теоретико-методологические концепции социального пространства;
- Модуль № 2. Физическое пространство псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.;
- Модуль № 3. Социальное пространство деревни второй половины XIX – первой трети XX вв. в отечественной историографии;
- Модуль № 4. Источники изучения социального пространства псковской деревни второй половины XIX–первой трети XX вв.;
- Модуль № 5. Социальное пространство псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв.;
- Модуль № 6. Социальное пространство псковской деревни 1917 – 1930-х гг.

В первом модуле рассматриваются основные теоретико-методологические подходы к определению одного из ключевых понятий курса – «социальное пространство». Изучение материалов данного модуля позволяет понять многообразие трактовок понятие «социальное пространство», а также сложность социального конструкта – «псковская деревня второй половины XIX – первой трети XX вв.».

Социальное пространство – это не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем, поэтому, с целью получения целостного представления о меняющихся границах Псковщины, необходимо изучить материалы второго модуля.

Учащиеся должны знать достижения исторической науки в изучении предмета и объекта исследования, поэтому модуль № 3 посвящен анализу отдельных трудов отечественных исследователей, обращавшихся к вопросам влияния событий русской

истории второй половины XIX – первой трети XX вв. на жизнь деревни.

У обучающихся на исторических факультетах важно формирование понимания ценности и многообразия исторических источников, а также умений работы с историческими источниками, поэтому четвертый модуль направлен на работу с источниками изучения социального пространства псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв. и формирование представлений об их специфике.

Содержание последующих модулей позволяет понять содержание изменений в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв. и их причины.

В результате изучения спецкурса «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации» обучающиеся должны:

знать

- ключевые понятия курса: «социальное пространство», «псковская деревня», «модернизация»;
- направления изменений, происходивших в псковской деревне второй половины XIX – первой трети XX вв.;
- причины изменений, происходивших в псковской деревне второй половины XIX – первой трети XX вв.;
- последствия и значение трансформации российской деревни для жизни страны.

уметь

- грамотно использовать в устной и письменной коммуникации ключевые понятия курса: «социальное пространство», «псковская деревня», «модернизация»;
- анализировать основные методологические подходы, историографические концепции и исторические источники в рамках темы «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации»;

- формулировать причины происходивших в псковской деревне изменений;
- соотносить направления, последствия и значения изменений, происходивших в псковской деревне второй половины XIX – первой трети XX вв.;
- логически связывать фактическую, событийную историю с социальными, экономическими, политическими и культурно-историческими процессами;
- самостоятельно работать с источниками и научной литературой по теме «Аграрный строй России XIX – XX вв.».

владеть

- навыками поиска источников информации по аграрной истории России;
- навыками систематизации научных исследований по аграрной истории России XIX – первой трети XX вв.;
- навыками представления информации по проблематике спецкурса в различных формах.

Методические рекомендации студентам по освоению материала спецкурса «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации»

С целью формирования целостного представления о развитии псковской деревни во второй половине XIX – первой трети XX вв. каждый студент должен целенаправленно, осмысленно и регулярно заниматься изучением дисциплины «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации».

Сложность освоения спецкурса заключается в отсутствии обобщающих работ по истории псковской деревни XIX – первой трети XX вв., поэтому одним из важнейших условий успешного освоения дисциплины является систематическая самостоятельная работа по изучению источников информации, список которых помещен в конце данного пособия. Обратите внимание на то, что данный список литературы не является исчерпывающим, поскольку отразить все многообразие исторических исследований по истории русской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв. в рамках данного пособия невозможно, да и не являлось нашей задачей. В связи с этим следует систематически обращаться к ресурсам библиотек и электронных библиотечных систем.

Самостоятельная работа с научной литературой непременно должна сопровождаться посещением лекционных занятий, во время которых следует кратко, но точно конспектировать ключевые моменты, на которых фиксирует внимание преподаватель. После лекции рекомендуется прочесть законспектированный материал, при необходимости дополнить записи по данному пособию или рекомендованной литературе, что

позволит более целостно и глубоко представить себе поднятую на лекции проблему.

Данное учебно-методическое пособие включает в себя материал для комплексного изучения изменений, происходивших в псковской деревне второй половины XIX – первой трети XX вв., который представлен в виде нескольких тематических модулей.

В структуру модулей включены конспекты лекций, содержание которых отражает сущностные аспекты рассматриваемой в рамках спецкурса проблемы трансформации социального пространства деревни второй половины XIX – первой трети XX вв., планы практических занятий, а также задания к ним и рекомендуемая литература для подготовки к занятиям и выполнения заданий. Задания содержат четкие инструкции о действиях, которые следует выполнить для получения дополнительной информации по проблематике модуля, структурирования научной информации, практического применения полученных знаний, что чрезвычайно необходимо для развития исследовательской компетентности обучающихся по направлению подготовки «история».

У студентов, проявивших особый интерес к проблематике спецкурса, есть возможность проведения индивидуального исследования и презентации его результатов как в рамках спецкурса, так и в рамках выполнения курсовых, а, возможно, и бакалаврских работ. Для ориентации обучающихся в новом для них проблемном исследовательском поле нами составлен список тем рефератов и курсовых работ, который позволяет осуществить выбор наиболее интересной темы по истории русской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.

Ключевые для понимания подхода к изучению псковской деревни термины и понятия вынесены нами в раздел «Глоссарий». Усвоение базовых понятий позволит обучающимся не только грамотно ретранслировать полученные знания, но и выражать собственные мысли в связи с изученным материалом.

Следует помнить о том, что лишь регулярная и систематическая учебная деятельность в разнообразных формах (лекция, практическое занятие, практическое задание, самостоятельная работа с литературой) является прочной основой для достижения успехов в освоении курса «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации» и получения оценки «зачтено» по итогам его изучения.

Модуль № 1. Теоретико-методологические концепции социального пространства

Конспект лекции «Основные теоретические подходы к изучению социального пространства»

В современной историографии российской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв. существуют весьма разноплановые исследования. Интерес историков вызывают повседневная жизнь крестьянства данного периода¹, проблема взаимоотношения полов в сельской местности², процессы социального расслоения³, вопросы охраны природы⁴, эпизоды криминальной истории деревни⁵ и др.⁶ Это подтверждает мысль о том, что в условиях

---

¹ Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). М., 2004.

² Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897 – 1959 гг. (историко-демографический аспект). М.-Тула, 2009.

³ Доброноженко Г. Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х гг. XX в. (на материалах Европейского Севера России). СПб., 2008.

⁴ Коротяев В. И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX вв.: Догоняющая модернизация и социальная экология. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Архангельск, 2000. Научная библиотека диссертаций и авторефератов // URL: <http://www.dissercat.com/content/russkii-sever-v-kontse-xix-pervoi-treti-xx-v-dogonyayushchaya-modernizatsiya-i-sotsialnaya-e#ixzz2y6Jcf9y4> (дата обращения: 05.04.2014).

⁵ Зверев В. А. «У жадного брюхо болит»: эпизоды криминальной истории сибирской деревни (первая треть XX в.) // Жить законом: правовое и правоведческое пространство истории: сб. науч. тр. Новосибирск, 2003. С. 126–149.

⁶ Нами приведены отдельные примеры работ, опубликованных по обозначенной тематике, поскольку не представляется возможным и необходимым в рамках данного пособия перечислять все известные нам публикации.

изменившейся парадигмы, историческое сообщество готово к междисциплинарным, социально-психологическим исследованиям крестьянского социума.

Однако такого рода исследования должны все же проводиться на четких, понятных, а в идеале – сопоставимых, методологических основаниях.

В связи с этим необходимо обратиться к рассмотрению основных теоретических подходов к изучению социального пространства, которые в основной своей массе сосредоточены в области социологии.

Фердинанд Тённис⁷ сконцентрировал внимание на различении понятий «общность» и «общество». Чтобы провести разграничения между традиционным и современным обществом он использовал термины *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*.

Понятие *Gemeinschaft* применяется к крестьянской деревенской общине, а понятие *Gesellschaft* – к индустриальному городскому обществу. Основные различия между ними состоят в следующем: 1) *Gemeinschaft* предполагает, что люди живут в соответствии с общинными принципами и ценностями, а общество типа *Gesellschaft* основано на стремлении к личной выгоде; 2) *Gemeinschaft* придает основное значение обычаям, в то время как *Gesellschaft* основано на формальных законах; 3) *Gemeinschaft* предполагает

---

⁷ Концепция Ф. Тённиса рассматривается в различных источниках информации, зачастую дублирующих друг друга. Для конспекта лекции в нашем случае использовалась работа: Добренко В., Кравченко А. История зарубежной социологии // Библиотека «Полка библиотекаста».

URL: http://society.polbu.ru/dobrenkov_histsociology/ch40_i.html
(дата обращения: 01.02.2016).

ограниченную и неразвитую специализацию, в то время как в *Gesellschaft* проявляют специализированные профессиональные роли; 4) *Gemeinschaft* опирается на религиозные, а *Gesellschaft* – на светские ценности; 5) в основе *Gemeinschaft* лежат семья, соседи и община, а в основе *Gesellschaft* – крупные корпоративные и ассоциативные формы объединения людей (деловые круги, правительство, политические партии, добровольные ассоциации).

Термин *Gemeinschaft* применяется у Тённиса по отношению к разным социальным единствам: семья, корпорация, церковь, сельское товарищество, родовая, деревенская, политическая, христианская и городская общины. Все они – сплоченные совокупности, социальные солидарности, образованные на основе естественных человеческих отношений. В общность, строго говоря, не вступают – в ней оказываются автоматически, хотят того или нет. С общностью люди связаны родовыми узами, избежать которых они не могут, ведь индивид естественно принадлежит к своей семье, своей деревне, своей родине, своей расе – и принадлежность эта природная, произвольная.

Gesellschaft представляет собой сознательное социальное объединение, основанное на договоре. В него входят свободно, по собственной воле, но могут и не входить. Это продукт целиком и полностью искусственный. В природе оно естественным образом не возникает и не существует. Общество основано не на соседстве, близости или кровном родстве – оно базируется на интересе, стремлении к выгоде, рациональном расчете, общности профессий или месте работы. Здесь нет и не должно быть никакой интимности, искренности, неподдельного интереса к близкому тебе человеку, с которым ты готов разделить

пищу и кров. В Gesellschaft коллективную волю рода и семьи заменяет корпоративная воля государства. На смену неформальному контролю родственников и соседей, которые были присущи кровно-родственной общности и общине, приходит формальный контроль со стороны полиции, судебных властей и армии. Вместо обычного права и неписаных законов появляются юридические законы и писаные правила, регулирующие поведение больших групп людей. Чувства людей становятся все более произвольными и формальными. Функцию арбитра в решении нравственных вопросов берет на себя государство и уполномоченные им органы власти. В конечном счете, именно государство, выступающее причиной появления Gesellschaft, разрушает либо необратимо изменяет Gemeinschaft. Со временем оно начинает восприниматься людьми как недружественная или враждебная сила, возвышающаяся над ними и требующая беспрекословного подчинения. В противоположность общине для общества характерна «механическая» связь отношений индивидов. Согласно Тённису, Gemeinschaft исторически возникло раньше и существует до сих пор в структуре Gesellschaft, пронизывая собой все его поры.

Пьер Бурдьё⁸ рассматривал общество как переплетение множества полей: экономических, политических, правовых, научных, культурных, художественных, спортивных, религиозных и других. Наиболее важные из них состоят из суб-полей, выстраиваясь по принципу матрёшки.

---

⁸ Ширшова И. Основные понятия концепции Пьера Бурдьё // Альманах «Восток». 2004. № 11 (23), ноябрь. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm (дата обращения: 03.12.2015).

Социальное поле – это автономное социальное пространство, которое конституируется специфической силой или несколькими силами одновременно. Отношения в социальном поле связаны с распределением источников силы, которые Бурдьё называет «капиталом». Социальная позиция каждого агента в поле определяется по отношению к источникам силы. Все участники одного поля имеют схожую выгоду, но выгоды отдельного участника зависят от его социальной позиции на данном поле. Таким образом, поле представляет собой специфическую систему связей между социальными позициями, то есть структурированное пространство позиций. Каждое поле отличаются собственные принципы функционирования, но существуют также универсальные правила для всех полей. Это, прежде всего, определённая степень автономии от других полей, которая достигается способностью не допускать внешних влияний и сохранять собственные правила. Для всех полей также характерны борьба между старым и новым, принятие всеми участниками целей своего поля и их стремление к выживанию.

Социальное пространство, по мнению П. Бурдьё существует в двух измерениях. Их можно условно назвать реальностями первого и второго порядка. Реальность первого порядка составляют структуры – социальные практики, капитал, поля и т.д. Реальностью второго порядка являются социальные представления и символические схемы практик, то есть габитус. Агенты занимают позицию в социальном пространстве и одновременно вырабатывают позицию как систему мнений и взглядов.

Социальное пространство является относительным: позиция каждого индивида не

существует сама по себе, а лишь в сравнении с количеством капитала, которым обладают другие агенты.

Взаимодействия агентов в социальных полях предопределяются преимуществами и ресурсами, мобилизуемыми всеми агентами. По сути, совокупность социальных отношений рассматривается как распределение различных видов ресурсов. Бурдьё называет такие ресурсы капиталом и выделяет четыре основных его типа: экономический, культурный, социальный, символический.

Экономический капитал включает все экономические ресурсы индивида – как его доходы, так и имущество. Культурный капитал составляют все культурные ресурсы, которыми располагает индивид. Они могут быть трёх видов: институализированные (дипломы и звания, спортивные титулы), объективированные (владение культурными объектами) и инкорпорированные (знания и опыт, навыки, представления об эстетике, произношение и т.д.). Инкорпорированный вид капитала, по сути, есть габитус.

Социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, то есть всех видов капитала, связанных с принадлежностью к группе и вовлечением в устойчивую сеть социальных связей. Данный вид капитала имеет чёткие социально обусловленные границы применимости и базируется на взаимных обязательствах и взаимном признании.

Символический капитал обозначает любой вид капитала (культурного, социального или экономического), имеющий особое признание внутри

социального поля. Чаще всего символическим капиталом являются престиж, репутация и честь.

Бурдьё называет термином «капитал» все эти социальные ресурсы в той мере, в какой они являются результатом накопления, которое позволяет индивидам получать социальные преимущества. Позиция любого индивида, группы или института в социальном пространстве может быть охарактеризована с помощью двух координат: это общий объём капитала и соотношение разных его видов. Разные виды капитала не просто могут наследоваться и приобретаться, но также конвертироваться один в другой.

Экономический и культурный капиталы, по Бурдьё, являются двумя наиболее важными формами капитала в современных обществах. Тем не менее, в каждом социальном поле существует специфический вид социального капитала (возможны также семейный, религиозный, политический, моральный, государственный и др.), который определяет структуру поля и формирует специфичную для данного поля выгоду.

Задания:

1. На основе текста лекции заполните таблицу «Сравнительный анализ типов общества по Ф. Тённису»:

Gemeinschaft	Gesellschaft
...	...

2. На основе текста лекции составьте схему «Социальное пространство в представлениях П. Бурдьё».

3. Дополните конспект лекции на основе статей:

- Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/138/139> (дата обращения: 02.12.2015).
- Ремизова М. Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 158–162. URL: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/38.html (дата обращения: 02.12.2015).

Модуль № 2. Физическое пространство псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.

Конспект лекции «Очерк истории административно-территориального деления Псковского края второй половины XIX – первой трети XX вв.»⁹

Социальное пространство – это не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно, поэтому нам необходимо получить представление о меняющихся границах Псковщины, что не могло не отразиться и на развитии отдельных деревень. Указом Павла I от 31 декабря 1796 г. было произведено очередное разделение территории Российской империи на губернии, в результате чего в составе Псковской губернии осталось 6 уездов: Псковский, Великолукский, Опочецкий, Островский, Порховский, Торопецкий; были упразднены Печорский, Новоржевский, Холмский уезды; Изборск стал заштатным городом. Указом Александра I от 24 апреля 1802 г. Новоржевский и Холмский уезды были восстановлены. Сенатским указом от 25 октября 1820 г. селение Талабск на Псковском озере переименовано в Александровский посад.

В 1823 г. Псковская губерния была причислена к Остзейским провинциям, но в 1830 г. вновь становится самостоятельной с 8 уездами.

---

⁹ Сайт «Архивы России». URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=502&sid=1442852> (дата обращения: 04.01.2016).

В дальнейшем, на протяжении XIX – начала XX вв., территориальные изменения в губернии не происходили.

По состоянию на 1 января 1917 г. в губернии было 8 уездов: Великолукский (17 волостей), Новоржевский (15 волостей), Опочецкий (15 волостей), Островский (12 волостей), Порховский (22 волости), Псковский (18 волостей), Торопецкий (16 волостей), Холмский (21 волость).

Февральская революция 1917 г. не вызвала изменений административно-территориального деления Псковской губернии, были лишь переименованы некоторые населённые пункты и административные единицы, связанные с фамилией царской семьи Романовых.

После Октябрьской революции 1917 г. в связи с новыми социально-экономическими условиями встал вопрос об изменении административно-территориального деления. В сельской местности в качестве низовых органов власти формировались сельские Советы (сельсоветы). Их организация в Псковской губернии началась в 1918 г., некоторое время они назывались «по-старому» сельскими обществами. Конституция РСФСР 1918 г. узаконила их образование.

Декрет СНК РСФСР «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч.» от 27 января 1918 г. впервые разрешил местным Советам производить необходимые изменения в территориальном делении, о результатах требовалось сообщить Народному комиссариату по внутренним делам.

В феврале 1918 г. губерния была частично оккупирована немецкими войсками, а в 1919 г. на её территории, как и в большинстве регионов,

развернулась Гражданская война. После возвращения к мирной жизни начался постепенный переход от губернского и уездного деления к областному и районному.

В 1920 г., при заключении мирных договоров РСФСР с Латвией и Эстонией, к этим государствам отошла часть территории Гдовского, Островского, Псковского уездов.

После образования 30 декабря 1922 г. Союза ССР вопросами административно-территориального устройства стали заниматься общесоюзные органы.

Декретом ВЦИК от 24 марта 1924 г. в состав Псковской губернии были переданы Велижский, Невельский и Себежский уезды Витебской губернии.

В середине 1920-х гг. идёт процесс укрупнения волостей. Декрет ВЦИК от 10 апреля 1924 г. утвердил новое административное деление Псковской губернии. Состав губернии стал следующим: Велижский уезд – 8 волостей, Великолукский уезд – 8 волостей, Невельский уезд – 7 волостей, Новоржевский уезд – 4 волости, Опочецкий уезд – 6 волостей, Островский уезд – 5 волостей, Порховский уезд – 8 волостей, Псковский уезд – 6 волостей, Себежский уезд – 6 волостей, Торопецкий уезд – 5 волостей, Холмский уезд – 5 волостей.

Сформированные в сельской местности в качестве низовых органов власти сельсоветы, после утверждения ВЦИК 16 октября 1924 г. нового положения о них стали низшей административно-территориальной единицей внутри уезда, а с 1927 г. – внутри района.

Декретом ВЦИК от 6 июня 1925 г. статус города получили Дно, Новоскольковики, Пустошка.

Следующий этап административно-территориального деления Псковской губернии связан с образованием Ленинградской области. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1927 г. в неё вошли бывшие Псковская, Ленинградская, Новгородская, Череповецкая, Мурманская губернии. Обширность создаваемой области вызвала необходимость создания промежуточных единиц – округов. На территории бывшей Псковской губернии были образованы два округа: Псковский и Великолукский. На смену существовавшему до этого делению: губерния – уезд – волость – сельсовет, пришло новое: область – округ – район – сельсовет.

Постановлением Президиума ВЦИК от 1 августа 1927 г. «О границах и составе округов Ленинградской области» определён их состав. В Псковский округ (центр г. Псков) вошли полностью Новоржевский, Островский и Псковский уезды, частично Опочецкий, Порховский, Себежский уезды бывшей Псковской губернии, а также Гдовский и Лужский уезды бывшей Ленинградской губернии, которые были разделены на Бежаницкий, Выборский, Дедовичский, Дновский, Карамышевский, Красногородский, Кудеверский, Новоржевский, Новосельский, Опочецкий, Островский, Палкинский, Порховский, Псковский, Пушкинский, Серёдкинский, Славковский, Чихачёвский районы.

В Великолукский округ (центр г. Великие Луки) вошли полностью Велижский, Великолукский, Невельский, Торопецкий, Холмский уезды, частично Опочецкий и Себежский уезды бывшей Псковской губернии, которые были разделены на Бологовский, Велижский, Великолукский, Идрицкий, Ильинский, Куньинский, Ленинский, Локнянский, Насвинский, Невельский, Новосokolьнический, Октябрьский,

Поречьевский, Пустошкинский, Рыковский, Себежский, Советский, Торопецкий, Троицкий, Усвятский, Усмынский, Холмский, Цевельский районы.

Одновременно в составе Ленинградской области образован Лужский округ (центр г. Луга), в который вошли Кингисеппский, Новгородский, Троицкий уезды, Гдовский уезд (без волостей Бельской, Ремедской и Серёдкинской), часть территории Лужского уезда (Бельско-Сяберская, Бутковская, Городенская, Лужская, Михайловская, Передольская, Плюсская, Струго-Красненская, Толмачёвская, Уторгошская волости и Софроногорский и Мошниковский сельсоветы Соседненской волости). Округ был разделён на Гдовский, Лядский, Плюсский, Полновский, Струго-Красненский и ряд других районов, которые впоследствии вошли в состав Ленинградской области.

Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1928 г. Невельский район Великолукского округа разделён на Невельский и Усть-Долысский районы.

Постановлениями Президиума ВЦИК от 3 и 17 июня 1929 г. Великолукский округ был передан в состав Западной области (центр г. Смоленск). При этом постановлением от 17 июня 1929 г. в округ включена часть территории Осташковского уезда Тверской области, на которой образованы Осташковский и Пеновский районы.

В 1930-е гг. начинается новый этап реформирования административно-территориального деления страны. Идёт поиск более эффективного использования имеющегося экономического потенциала, людских и природных ресурсов каждого региона. Устраняется излишняя дробность в территориальном делении, сокращается управленческий

аппарат. Первым шагом в этом направлении явилось упразднение округов постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. Районы стали подчиняться области напрямую.

Ряд последующих постановлений Президиума ВЦИК направлен на совершенствование деления областей на районы: 20 сентября 1930 г. упразднены Бологовский, Поречьевский, Рыковский, Советский, Троицкий, Усмынский, Усть-Долысский, Цевельский районы Западной области; 20 сентября 1931 г. упразднены Карамышевский, Кудеверский, Палкинский, Полновский районы Ленинградской области; 1 января 1932 г. – Идрицкий, Куньинский, Насвинский районы Западной области и Выборский, Красногородский, Новосельский, Плюсский, Чихачёвский районы Ленинградской области.

Постановлением Президиума ВЦИК от 29 января 1935 г. вся территория бывшего Великолукского округа, а также Бежаницкий, Новоржевский, Опочецкий, Пушкинский районы были переданы в состав Калининской области. Позднее, 5 февраля 1935 г., постановлением Президиума ВЦИК в составе Калининской области вновь образуется Великолукский округ в составе Бежаницкого, Великолукского, Куньинского, Локнянского, Новоржевского, Новоскольнического, Невельского, Опочецкого, Пушкинского, Пустошкинского, Себежского районов. 5 марта 1935 г. в состав Великолукского округа включены Красногородский и Кудеверский районы и образованные постановлением Президиума ВЦИК от 1 июня 1936 г. Ашевский и Идрицкий районы.

Постановлением Президиума ВЦИК от 15 февраля 1935 г. образованы Карамышевский, Новосельский, Палкинский, Полновский, Плюсский,

Сошихинский районы, которые наряду с Гдовским, Лядским, Островским, Псковским, Серёдкинским, Славковским, Струго-Красненским районами 22 марта 1935 г. включены в состав вновь образованного Псковского округа.

В составе Калининской области постановлением Президиума ВЦИК от 11 мая 1937 г. был образован Опочецкий пограничный округ с центром в г. Опочка, в который включены Ашевский, Бежаницкий, Красногородский, Кудеверский, Локнянский, Новоржевский, Опочецкий, Пушкиногорский (бывший Пушкинский) районы. Одновременно из Великолукского округа в Калининскую область передан Куньинский район.

Постановлением Президиума ВЦИК от 4 мая 1938 г. Великолукский округ упразднён. Великолукский, Невельский, Новосокольнический районы, входившие в его состав, оставлены в Калининской области, а Идрицкий, Пустошкинский, Себежский районы переданы Опочецкому пограничному округу Калининской области, одновременно в Калининскую область из Опочецкого округа переданы Ашевский, Бежаницкий, Локнянский районы. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 августа 1939 г. в составе Псковского округа образован Пожеревицкий район.

В начале 1940-х гг. от деления областей на округа отказываются окончательно. Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 сентября 1940 г. упразднён Псковский округ, 5 февраля 1941 г. – Опочецкий округ.

Задания:

1. Прочитайте статью:

- Клейменов С. П. Административный и экономический факторы пространственного развития Псковской области: история и современность // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 187–200. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-i-ekonomicheskyy-faktory-prostranstvennogo-razvitiya-pskovskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 04.01.2016).

На основе текста статьи заполните таблицу «Административный и экономический факторы пространственного развития Псковского края второй половины XIX – первой трети XX вв.»:

Факторы пространственного развития	
административный	экономический
- ...	- ...

2. Выберите одну из псковских деревень. Найдите ее на современной карте Псковской области. Проследите ее историю в меняющемся административно-территориальном делении Псковского края второй половины XIX – первой трети XX вв. Запишите название по схеме «название деревни – название сельского общества – название волости – название сельсовета – название уезда – название района – название губернии – название округа» для второй половины XIX в., начала 1920-х гг., 1925 г., 1929 г.

Источники:

- Административно-территориальное деление Псковской области (1917–2000 гг.). Справочник. В 2-х кн. Псков, 2002.

- Псковская губерния. Список населенных мест по сведениям 1872–1877 гг. СПб., 1885.

Список источников не является исчерпывающим, поскольку выбранная Вами деревня могла в разное время относиться к разным губерниям. В этом случае

необходимо искать аналогичные издания по необходимым Вам территориям.

3. Составьте социально-пространственную картину одной из псковских деревень на основе памятки¹⁰.

Паспорт деревни

1. Название и точное местоположение деревни, почтовый адрес и административная подчиненность.

2. Краткая хронология истории деревни.

3. Общая численность населения, демографическая структура. Этнический состав.

4. Отраслевая структура занятости населения.

5. Перечень главных сельскохозяйственных угодий деревни.

6. Наименование сельскохозяйственных и промышленных предприятий, находящихся на территории поселения.

7. Перечень главных экономических характеристик и проблем деревни.

8. Общая характеристика жилого фонда (обеспеченность полезной площадью, благоустройство, ведомственная принадлежность жилья).

9. Транспортное положение деревни, состояние дорог, интенсивность работы пассажирского транспорта (количество рейсов в день и их направление).

10. Перечень учреждений социальной инфраструктуры деревни: магазины, отделения связи, бани, столовые и кафе, учреждения бытового обслуживания, школы, детские сады и ясли, библиотеки, клубы, медицинские учреждения (фельдшерско-акушерские пункты, амбулатории, больницы, аптеки).

¹⁰ Памятка составлена по: Виноградский В. Вопросник «Социально-пространственная картина села» // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 430–436.

11. Карта деревни.

Территория

1. Размеры и конфигурация территории – названия улиц и крупных частей деревни.
  2. Использование внутриселенческой территории. Функциональное назначение и застройка частей деревни: жилая застройка, производственная зона, торговые центры, огороды, сады, пустыри.
  3. Пути сообщений с внешним пространством: пути, по которым ездят, пути, по которым ходят, расстояния и цели повседневных перемещений жителей (способ, поклажа, продолжительность пребывания за границами деревни). Представление о своей округе, окрестных поселениях и дальних, редко посещаемых угодьях.
  4. Характеристика сельских пространственных ориентиров (топонимика, легенды, эмоциональное отношение).
  5. Размещение в поселении различных социальных слоев или групп, различающихся достатком, нравом, традициями; соседские группы.
  6. Освоенность пространства. Угодья (пашни, пастбища, леса и воды) и их использование.
- Вся представленная выше информация требует детальной привязки к опорным планам местности.

**Модуль № 3. Социальное пространство деревни
второй половины XIX – первой трети XX вв. в
отечественной историографии**

**Конспект лекции «Влияние Первой мировой войны
на социальное пространство русской деревни (по
материалам Симпозиума по аграрной истории
Восточной Европы)»¹¹**

Первая мировая война оказала огромное влияние на социальное пространство русской деревни во всех его многочисленных проявлениях: экономических, политических, правовых, культурных, художественных, религиозных и других. Столь серьёзная трансформация жизни русской деревни, произошедшая под влиянием Первой мировой войны, практически сразу же привлекла к себе внимание исследователей, и на протяжении 100 лет, прошедших с момента начала Первой мировой войны, интерес к данной проблематике не угасал.

На современном этапе развития исторической науки проблемы социально-экономической истории русской деревни в целом и в 1914 – 1918 гг. – в частности, освещаются в рамках работы Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы¹². Учитывая, что сессии Симпозиума объединяют широкий круг

---

¹¹ Алиева Л. В. Влияние Первой мировой войны на социальное пространство русской деревни (по материалам Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы) // Псковский военно-исторический вестник. Выпуск 1. Псков, 2015. С. 142–149.

¹² Козлов С. А., Швейковская Е. Н. Проблемы социально-экономической истории в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958–2003 гг.) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 158–173.

исследователей, а результаты их научных изысканий закладывают основы современных оценок развития русской деревни 1914 – 1918 гг., мы обратились к анализу материалов его работы.

Предметом нашего исследования стали материалы Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, сессии которого проводились в 2008, 2010, 2012 и 2014 гг. Объектом исследования явились социально-экономические процессы, проходившие в русской деревне под влиянием Первой мировой войны и свидетельствующие о трансформации социального пространства русской деревни в данный период.

В тезисах докладов и сообщений XXXI сессии Симпозиума, проходившей в 2008 г. в Вологде, работ, специально посвящённых проблемам русской деревни в годы Первой мировой войны, нам обнаружить не удалось. Упоминание о войне встречается только в тезисах М. Д. Карпачёва «Столыпинская аграрная политика в освещении английской и американской историографии»¹³, где он отмечает распространённость в историографии столыпинской аграрной реформы тезиса о том, что срыв столыпинской аграрной реформы произошёл в результате «войны и революции».

«Экономический разрыв с Германией и законодательные акты русского правительства по стабилизации продовольственного рынка в период

---

¹³ Карпачёв М. Д. Столыпинская аграрная политика в освещении английской и американской историографии // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. Тезисы докладов и сообщений XXXI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. М., 2008. С. 55–57.

Первой мировой войны 1914 – 1916 гг.»¹⁴ были рассмотрены Т. М. Китаниной на XXXII сессии Симпозиума «Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X – XXI вв.: источники и методы исследования», работа которой была организована в 2010 г. в Рязани. Проанализировав законодательные акты русского правительства в сфере торговли и таможенного дела, принятые в начале Первой мировой войны, автор, в частности, пришла к выводу о том, что они были призваны сохранить стабильность внутреннего, прежде всего, продовольственного, рынка.

На этой же сессии Симпозиума тема Первой мировой войны была поднята А. А. Севастьяновой в работе «Крестьянские антропометрические характеристики по метрическим источникам рязанской и вятской округ конца XVIII – начала XX вв.»¹⁵. Рассматривая комплекс метрических книг отдельных приходских церквей Рязанской и Вятской губерний и анализируя их информационные возможности, автор обратила внимание на то, что «по этим источникам

---

¹⁴ Китанина Т. М. Экономический разрыв с Германией и законодательные акты русского правительства по стабилизации продовольственного рынка в период Первой мировой войны 1914 – 1916 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010. С. 86–88.

¹⁵ Севастьянова А. А. Крестьянские антропометрические характеристики по метрическим источникам рязанской и вятской округ конца XVIII–начала XX вв. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010. С. 56–59.

можно получить не только конкретные периоды и годы бедствий в российской провинции, но и проследить, как на истории отдельного рода скажутся взрослая или детская смертность через одно-два поколения»¹⁶. Так, А. А. Севастьянова указала на то, что в изучаемой местности показатели рождаемости становятся очень выразительны в годы Первой мировой войны и сразу после неё: резкий спад записей о родившихся в 1914 – 1915 гг., продолжался, фактически, до 1917 г.

Приближение к юбилейной дате способствовало «оживлению» интереса историков к социально-экономическим проблемам в аграрном секторе, обострившимся в годы Первой мировой войны. В 2012 г., на XXXIII сессии Симпозиума «Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X – XXI вв.», состоявшейся в Брянске, развитию русской деревни в годы Первой мировой войны посвящено сразу несколько выступлений.

Т. М. Китанина¹⁷ рассмотрела изменения, произошедшие в сельском хозяйстве России с началом Первой мировой войны, и, уделив особое внимание анализу продовольственного дела, положению на внутреннем рынке, изменениям в импорте и экспорте, а

---

¹⁶ Севастьянова А. А. Крестьянские антропометрические характеристики по метрическим источникам рязанской и вятской округ конца XVIII – начала XX вв. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010. С. 58.

¹⁷ Китанина Т. М. Аграрный сектор российской экономики в начальный период войны: 1914 – первая половина 1915 гг. (до создания системы Особых совещаний) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 246–254.

также состоянию транспортной системы страны, пришла к вполне обоснованному выводу о том, что война привела к катастрофическому концу последнего довоенного экономического подъёма и поставила народное хозяйство страны в небывалые дотоле исторические условия. Среди множества факторов, повлиявших на аграрный сектор экономики, автор называет отток рабочих рук из аграрной сферы, прекращение большинством частных кредитных учреждений залоговых операций с хлебом в начале войны и связанное с этим резкое сокращение товарооборота на внутреннем рынке.

Рассматривая влияние войны на, прежде всего, крестьянское население, Т. М. Китанина отмечает, что решающую роль для сохранения жизнедеятельности земледельческого населения в годы войны сыграла способность крестьянства к адаптации и выживанию в кризисных ситуациях.

М. Д. Карпачёв в выступлении на тему «О кризисе продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны» на примере воронежской деревни довольно убедительно показал, что не кризис сельскохозяйственного производства, а нерешительность власти в решении вопросов производства, экономии и распределения всех материальных, в том числе и продовольственных, ресурсов стала основной причиной кризиса снабжения в годы войны¹⁸.

---

¹⁸ Карпачёв М. Д. О кризисе продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 255–268.

В. М. Рынковым¹⁹ было рассмотрено влияние войны на развитие крестьянского хозяйства Сибири. Вопреки распространённому представлению о негативном влиянии войны на экономику в целом и крестьянское хозяйство в частности, исследователь делает вывод о том, что на сибирское хозяйство Первая мировая война оказала стимулирующее воздействие: увеличивались посевные площади, положительной была динамика валового сбора хлебов, росла товарность зерновых. Такого рода позитивные сдвиги в развитии зернового хозяйства Сибири происходили, несмотря на военную мобилизацию почти половины мужского населения Сибири и простой имевшейся в сибирской деревне технике, связанный с отсутствием необходимых для ее ремонта запасных частей. Помимо экономических показателей, автор обращает внимание и на социальный аспект проблемы: в условиях призыва мужского населения в армию и неспособности беженцев и инородцев компенсировать утрату рабочих рук, интенсивной обработкой земли стали заниматься женщины, дети и старики.

Обратную картину рисует В. Н. Ратушняк²⁰, анализируя влияние Первой мировой войны на сельскохозяйственное производство Северного Кавказа. Война в этом регионе России привела к сокращению посевных площадей, снижению валового сбора хлебов, сокращению поголовья скота, росту цен на

---

¹⁹ Рынков В. М. Зерновое хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 291–298.

²⁰ Ратушняк В. Н. Влияние Первой мировой войны на сельское население и сельскохозяйственное производство Северного Кавказа // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 268–275.

продовольствие. Помимо этого, автор обращает внимание и на процессы дифференциации в крестьянской среде: достаточно успешно пагубные последствия войны (утрата рабочих мужских рук, реквизиции скота и др.) преодолевали лишь зажиточные хозяйства, в то время как мелкие – разорялись. Т. Н. Сидоренко, подтверждая негативное влияние войны на трансформацию социального пространства сельскохозяйственного производства Северного Кавказа, обратила внимание на роль сельскохозяйственной кредитной кооперации на Северном Кавказе в решении продовольственных трудностей в годы Первой мировой войны²¹. Автор убедительно показала, что война внесла коррективы в развитие кооперации данного региона: с началом войны темпы роста кооперативных товариществ замедлились, а деятельность созданных ранее кредитных кооперативов осложнилась и замедлилась из-за прекращения экспорта хлеба и отрыва крестьян и казаков от хозяйственной деятельности. Вместе с тем, военное время привнесло в деятельность кооперативов много новых элементов, позволивших ей выстоять и даже развиваться. Более того, кооперация в условиях военного времени стала мощным механизмом защиты населения от вызванных войной тягот, а также большим подспорьем в деле обеспечения продовольственных и хозяйственных нужд армии.

Заметим, что влияние войны на развитие сельскохозяйственного производства было неоднозначным, и сводить его к деструктивным

---

²¹ Сидоренко Т. Н. Роль сельскохозяйственной кредитной кооперации Северного Кавказа в решении продовольственных трудностей в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 276–282.

процессам было бы неверно, что подчёркивал Д. В. Ковалёв, обратившись к выявлению особенностей развития крестьянского хозяйства в годы Первой мировой войны по материалам Московской губернии, которая, по его мнению, являлась барометром общего состояния российской экономики²². Обращаясь к анализу динамики посевных площадей, Д. В. Ковалёв отмечал их незначительное сокращение, либо даже увеличение, не связанное при этом с событиями Первой мировой войны. Такие тенденции автором объяснялись вполне традиционными для Подмосковья причинами, в числе которых – неблагоприятные условия рыночного сбыта отдельных видов сельхозпродукции, в частности, понизившиеся цены на овёс и картофель, возделываемые большей частью для продажи, продолжавшееся вытеснение озимой ржи травосеянием, а также увеличившееся отходничество, которое лишало крестьянское хозяйство рабочих рук. Автор отмечает такие позитивные моменты в жизни крестьянских хозяйств Московской губернии, как дальнейшее устройство рационального севооборота, усиление процесса замены традиционной экстенсивной агротехники новыми, более сложными системами полеводства, сохранение темпов агрономической деятельности.

Крестьянское скотоводство Московской губернии в 1914 – 1915 гг. также испытало временные затруднения, вызванные не только издержками адаптации хозяйства к условиям военного времени, но и иными, не связанными с войной обстоятельствами

---

²² Ковалёв Д. В. Особенности развития крестьянского хозяйства в годы Первой мировой войны (по материалам Московской губернии) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 283–291.

(например, неурожаем трав в 1913 – 1914 гг.). Применительно к 1916 – 1917 гг. автором наблюдается резкий рост поголовья молодняка и домашнего скота в целом, что объясняется стремлением крестьянства восполнить в хозяйстве недостаток рабочей силы, иметь ценный в условиях перебоев в работе транспорта гужевой транспорт, а также активизацией аграрного производства в 1917 г. Увеличение численности поголовья скота было связано ещё и с тем, что в условиях нарушения экономических связей на рынках губернии редким продуктом становится говядина, что приводит к росту цен и пониманию необходимости самообеспечения крестьянского хозяйства мясом. При помощи кооперации удаётся справиться крестьянским хозяйствам губернии и с проблемами сбыта молока и льна.

В целом следует отметить, что в рамках XXXIII сессии Симпозиума влиянию Первой мировой войны на трансформацию социального пространства русской деревни было уделено значительное внимание. При этом авторы в большей степени представляли результаты исследований по тем регионам, которых война непосредственно не коснулась, что, собственно не позволяет экстраполировать сложившуюся на основе их выступлений картину жизни крестьянского хозяйства на все регионы Российской империи.

На XXXIV сессии Симпозиума, прошедшей в 2014 г. в Самаре, была организована работа круглого стола на тему «Первая мировая война и аграрное развитие Российской империи», в рамках которого была предоставлена возможность высказаться не только основным докладчикам, но и тем учёным, которые выступали на секциях. Центральное место в

обсуждениях занял вопрос о доходах российского крестьянства в 1914 – 1918 гг.

В. В. Страхов²³, вопреки распространённому в историографии мнению о росте доходов крестьянского населения России в годы Первой мировой войны, пришёл к выводу о том, что у основной массы крестьянских семей налицо был лишь номинальный рост денежных доходов, что было связано с инфляцией, фактором отложенного спроса, перераспределением расходов, прекращением сделок с землёй.

К анализу влияния социальной политики правительства в годы Первой мировой войны на доходы крестьянского населения обратился М. В. Оськин²⁴. Изучив влияние «сухого закона» и «царских пайков» на экономическую ситуацию на селе, он пришёл к выводу, что именно благодаря данным мероприятиям до поры до времени сохранялась внутренняя стабильность в стране. Более того, реализация данных инициатив правительства привела к росту доходов и потребления в российской деревне. Бедственное же положение в годы войны автор связывает с городскими семьями,

---

²³ Страхов В. В. К вопросу о доходах российского крестьянства в годы Первой мировой войны // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X – XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 116–119.

²⁴ Оськин М. В. Социальная политика государства в деревне Центральной России в годы Первой мировой войны: экономическая ситуация на селе накануне Февраля // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X – XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 119–121.

крестьянскими семьями с минимальными земельными наделами и беженцами.

Н. Ф. Тагирова²⁵ рассмотрела влияние динамики хлебных цен на финансовое положение деревни: сокращение экспорта хлеба привело к снижению цен на хлеб осенью 1914 г., что было выгодно покупателям зерна и невыгодно для его производителей, а в 1915 г. произошёл скачок цен, который был чреват всплеском социальной активности в потребляющих губерниях. Наравне с колебаниями цен на хлеб Н. Ф. Тагирова также указывает на рост денежной массы в стране как на один из факторов дестабилизации социально-экономической обстановки в стране.

Вопросы мобилизации тыловых ресурсов изучили И. Б. Белова и С. В. Букалова. На материалах Калужской губернии И. Б. Белова²⁶ показала роль потребляющей губернии в обеспечении армии. С. В. Букалова²⁷ исследовала механизм и эффективность

---

²⁵ Тагирова Н. Ф. Изменения хлебных цен и финансовое положение российской деревни в 1914 – 1918 гг. // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X – XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 122–124.

²⁶ Белова И. Б. Аграрный сектор тыловых губерний в условиях Первой мировой войны // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X – XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 124–126.

²⁷ Букалова С. В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X – XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 127–129.

использования труда беженцев на сельскохозяйственных работах. Анализ правительственной политики, по её мнению, указывает на преимущественно принудительный характер привлечения беженцев к сельскохозяйственным работам путём применения «позитивных» и «негативных» стимулов, поскольку государство рассматривало беженцев не как иждивенцев, а как значительный источник трудовых ресурсов. Об этом, по мнению автора, свидетельствует определение в качестве сферы занятости аграрного сектора экономики, установление твёрдых расценок на оплату труда беженцев, лишение государственной поддержки в случае отказа наниматься на предлагаемую работу. Возможно, государственно не критично отнеслось к оценке трудовых ресурсов массы беженцев, поскольку, как показала С. В. Букалова, большинство из них (например, в Орловской губернии – до 3/4) составляло нетрудоспособное население.

Анализ материалов Симпозиума свидетельствует о возросшем внимании историков-аграрников к проблеме влияния Первой мировой войны на социальное пространство русской деревни, что, конечно же, во многом обусловлено значительным масштабом и, по сути, государственным уровнем мероприятий, приуроченных к 100-летию с начала войны. Историки едины в своём мнении о том, что война разорвала привычные связи хозяйственной жизни и поставила перед населением задачу скорейшей адаптации к работе в условиях изменившейся хозяйственно-экономической конъюнктуры.

Задания:

1. На основе текста лекции заполните таблицу «Современные исследования социального пространства российской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.»:

Современная историография			
№ п/п	Автор	Выходные данные работы (по ГОСТ Р 7.05 2008)	Выводы, к которым приходит автор
Вывод, отражающий динамику и тенденции современных исторических исследований по рассматриваемой проблеме:			

2. Прочитайте статьи:

- Алиева Л. В. Влияние Первой мировой войны на социальное пространство псковской деревни // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 42. Псков: ПсковГУ, 2015. С. 126–130.

- Никитина Н. П. Жизнь псковской деревни в годы Первой мировой войны (по материалам «Дневника крестьянина») // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 43. Псков: ПсковГУ, 2015. С. 51–59.

На основе текстов статей дополните таблицу «Современные исследования социального пространства российской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.».

3. Подберите примеры исследований, свидетельствующих о трансформации социального пространства российской деревни под влиянием Крестьянской реформы 1861 г., столыпинской аграрной реформы, революций начала XX в., политики «военного

коммунизма», новой экономической политики, политики коллективизации сельского хозяйства (не менее шести). На их основе дополните таблицу «Современные исследования социального пространства российской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.».

Конспект лекции «Социальное пространство псковской деревни в современной краеведческой литературе»²⁸

В процессе модернизации, происходившем в России в конце XIX – начале XX вв., началась активная фаза перехода русского общества от аграрного к индустриальному, где преобладающее место в экономике занимает промышленное производство. С наступлением индустриальной эпохи количество сельских населенных пунктов во всем мире неуклонно снижается, поскольку многие жители из деревень стремятся перебраться в города ради комфортабельных жилищ и более высокого уровня жизни. На сегодняшний день мы пожинаем плоды урбанизации, начавшейся более ста лет назад.

По переписи населения 2002 г. из 8 393 сел Псковской области 1 073 являются вымершими; таким образом, действительных населённых сельских пунктов в области насчитывалось 7 320²⁹. По переписи

---

²⁸ Алиева Л. В. Социальное пространство псковской деревни в современной краеведческой литературе // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 43. Псков: ПсковГУ, 2015. С. 12–17.

²⁹ Официальный сайт «Всероссийская перепись населения 2002 г.». URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13> (дата обращения: 01.04.2015).

населения 2010 г. из 8 351 сел области в 1 919 никто не живет; таким образом, число действительных населенных сельских пунктов в области составляет 6 432 в 2010 г.³⁰ Таким образом, за 2002–2010 гг. доля обезлюдивших деревень в Псковской области возросла с 13 % до 23 % от общего их числа³¹. Такого рода показатели позволяют нам говорить не только о вымирании псковской деревни, но и о ее исчезновении в традиционном для нас понимании.

Вместе с тем, стремление к покою и тишине традиционно увлекает людей пенсионного возраста и творческую интеллигенцию приобрести или построить «домик в деревне», развитие интернет-технологий позволило жителям крупных городов быть более не привязанными к месту работы и реализовать мечту о гармоничной жизни на лоне природы. В свете неуклонного роста цен на коммунальные и медицинские услуги, экологически чистые продукты питания, жизнь в деревне становится экономически более привлекательной, да и комфортабельное жилье сегодня в деревне уже не нонсенс³².

Такие противоположные, разнонаправленные тенденции оставляют тему деревни весьма актуальной для современного этапа развития общества. Еще большую актуальность она приобретает в свете

---

³⁰ Официальный сайт «Всероссийская перепись населения 2010 г.». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.04.2015).

³¹ Население Псковской области // Свободная энциклопедия «Википедия». URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.04.2015).

³² Владыкина Т., Казаков С. Галкин поворот: Почему жизнь столичной девушки круто изменил домик в деревне // RG.RU. URL: <http://www.rg.ru/2004/03/16/galkin.html> (дата обращения: 01.04.2015).

заявления премьер-министра РФ Д. А. Медведева, прозвучавшего в рамках заседания Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию: «Учитывая колоссальные запасы воды, пашни и других ресурсов, Россия может занять свое место среди ведущих аграрных стран»³³. Названные факторы вкупе с ностальгией современных городских жителей по «бабушкиной деревне» привели к появлению целого ряда публикаций, посвященных истории трансформации социального пространства псковской деревни³⁴³⁵³⁶.

Предметом нашего исследования явились опубликованные в 2000 – 2014 гг. работы, посвященные истории различных населенных пунктов Псковской области. Объектом исследования – сведения, отражающие трансформационные процессы в социальном пространстве псковской деревни.

На первом этапе нашего исследования нами был выявлен круг публикаций, посвященных истории различных населенных пунктов Псковской области. В

---

³³ Информационно-аналитическое сетевое издание «Сегодня.Ру». URL: <http://www.segodnia.ru/news/152116> (дата обращения: 01.04.2015)

³⁴ Алиева Л. В. Вклад псковских земских статистиков в изучение социального пространства Псковской губернии второй половины XIX в. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 41. Псков: Псковский государственный университет, 2014. С. 38–41.

³⁵ Алиева Л. В. Влияние Первой мировой войны на социальное пространство псковской деревни // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 42. Псков: Псковский государственный университет, 2015. С. 126–130.

³⁶ Никитина Н. П. Волостные писари в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX – начала XX в. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 41. Псков: Псковский государственный университет, 2014. С. 42–49.

первую очередь нас интересовали новейшие публикации, увидевшие свет после 2000 г.³⁷ В итоговый список подобных публикаций вошло около 30 наименований³⁸.

---

³⁷ К сожалению, в силу ограниченности тиражей, незаинтересованности некоторых авторов в распространении результатов собственных исследований, а также неисполнения типографиями обязательств по обязательной рассылке выпускаемых изданий, в поле нашего зрения могли попасть не все публикации.

³⁸ Говорит Ивахново: Наблюдения над процессом выживания псковской деревни в 1996 – 1998 гг. Joensuu : [б. и.], 2000. 132 с.; Николаев И. Н. Красные Горки (Краеведческий очерк). Дедовичи: Дедовичская типография, 2000. 40 с.; Николаев И. Н. Яски. Вязье (Краеведческие очерки). Дедовичи: Дедовичская типография, 2000. 40 с.; Васильев М. Е., Васильев Г. М. Велье: история старинного псковского села Велья. Михайловское: Сельцо Михайловское, 2001. 50 с.; Филиппова К. Вот моя деревня. Псков, 2001. 32 с.; Алексеева Н. История пыталовских деревень: ист.-этнографическое и социально-экономическое исследование деревень Пыталовского района Псковской области. М.: ВИАПИ им. Никонова: Энциклопедия российских деревень, 2005. 317 с.; Вышгородок. Форпост древнего Пскова / Под ред. Н. А. Цветкова. Пыталово: [б. и.], 2005. 64 с.; Жуковская Л. Л. История исчезнувших деревень на территории колхоза «Заря». Порхов: МП «ПРТ», 2005. 113 с.; Жуковская Л. Л. История деревни Верхний Мост. Порхов: [б. и.], 2005. 106 с.; Дроздов Л. И. Борки – село знаковое: докум. повествование: 60-летию хозяйства «Борки» посвящается. Ч. 2. Борки: [б. и.], 2006. 237 с.; Егоров В. В. Пригород Выбор. Новоржев: [б. и.], 2007. 224 с.; Наушкин В. Р. Край люпиновый. Псков: [б. и.], 2007. 174 с.; Федоров В. Устиново. Да ведают потомки. Псков: Гименей, 2007. 147 с.; Переслегино: вчера, сегодня, завтра: путеводитель. Переслегино : [б. и.], 2008. 28 с.; Федоров В. М. Вехно. Новоржев: МП Новоржевского района «Полиграф», 2008. 156 с.; Егоров В. В. По земле Новоржевской: дорожные эскизы 2. Новоржев: [б. и.], 2010. 183 с.; Не исчезай, моя деревня!: из воспоминаний жителей Гдовского района. Псков: ЛОГОС, 2010. 123 с.; Афанасьев Ю. И. История Гдова. Вып. 13: Мир деревни. Псков: Логос, 2011. 242 с.; Слово о деревне /

Закономерным шагом на втором этапе работы стал анализ содержания публикаций, в рамках которого мы обращали внимание на следующие аспекты:

- пространственно-временная локализация исследования;
- методология исследования;
- источниковая база исследования;
- качество оформления результатов исследования (стиль, оформление справочного аппарата и др.).

Значительное количество публикаций посвящено истории современного Новоржевского района. Среди них одной из первых следует отметить работу «Говорит Ивахново: Наблюдения над процессом выживания псковской деревни в 1996 – 1998 гг.»³⁹. Эта работа представляет собой результаты исследования деревни Ивахново Новоржевского района Псковской области, проведенного в ходе экспедиции студенток Нины Лойоми и Йоханны Такала в Псковскую область в

Александрова Г. В.: отзывы жителей Гдовского района о книге «Не исчезай, моя деревня!». Гдов; Псков: Гдовская районная центральная библиотека; ЛОГОС Плюс, 2011. 39 с.; Федоров В. М. Устиново. Крест мой. [Изд. 2-е, перераб. и расшир.]. Новоржев: [б. и.], 2011. 220 с.; Филимонов А. В. Велье и его округа. Псков: ЛОГОС Плюс, 2012. 346 с.; Желамский А. Г. Невечерний свет: (страницы истории Чернецовского края). Деревня Чернецово, Псковская область: [б. и.], 2013. 188 с.; Мусин В. В. К истории моста в деревне Лосицы на почтовом тракте «Станция Белая – Гдов». СПб.: Лема, 2013. 54 с.; Федоров А. И. Щир: исторический очерк о селе и его окрестностях. Струги Красные: [б. и.], 2014. 52 с.; Никифоров В. Г. Деревни Пушкинского края: история, население, судьбы (конец XVIII – начало XX в.). Т. 1. Псковская губерния, Опочецкий уезд (ныне – Псковская область, Пушкиногорский район). Деревни прихода Пятницкой церкви Святогорского монастыря. СПб.: Славия, 2014. 260 с.

³⁹ Говорит Ивахново: Наблюдения над процессом выживания псковской деревни в 1996 – 1998 гг. Joensuu, 2000.

рамках реализации гранта Йонуэсского университета и Института России и Восточной Европы. Авторы изучили влияние политических и экономических реформ на русское Нечерноземье конца 1990-х гг., физическое, моральное и социальное выживание псковских крестьян в условиях неформальной экономики. Основательная методологическая база исследования и обстоятельный список литературы свидетельствуют о глубокой проработке местного материала.

Автором нескольких публикаций о деревнях Новоржевской земли является Владимир Валентинович Егоров⁴⁰. Его работы представляют собой описания деревень, в основу которых положены материалы летописей, писцовых книг, опубликованные данные по истории Псковского края, а также собственные впечатления от посещенных деревень.

К истории новоржевских деревень обращался и Владимир Михайлович Федоров⁴¹. Его работы отличает искренняя любовь к родной деревне, вымирание которой, видимо, явилось одной из причин появления книг данного автора. Популярным и доступным языком, основываясь на воспоминаниях знакомых, земляков, личных наблюдениях, исповедных росписях церкви села Вехно, метрических книгах, автор описывает историю отдельных семей, отдельных людей, домов, периодов истории деревни. Автор пытается вписать историю той или иной деревни в исторический контекст, пытается сохранить хронологическую последовательность

---

⁴⁰ Егоров В. В. Пригород Выбор. Новоржев, 2007; Егоров В. В. По земле Новоржевской : дорожные эскизы 2. Новоржев, 2010.

⁴¹ Федоров В. Устиново. Да ведают потомки. Псков, 2007; Федоров В. М. Вехно. Новоржев, 2008; Федоров В. М. Устиново. Крест мой. Новоржев, 2011.

описания, однако повествование все же представляется дискретным.

История деревень современного Пушкиногорского района также явилась предметом изучения нескольких авторов. В 2001 г. Михаил Ефимович и Глеб Михайлович Васильевы выпустили в свет книгу, посвященную истории старинного псковского села Велье⁴². Хорошим популярным языком авторы поведали читателю историю села, описали его достопримечательности, рассказали его легенды, не забыв при этом поместить в работу список источников и литературы.

В 2012 г. значительно расширил представление любителей истории родного края о селе Велье и окружающем его социальном пространстве Анатолий Васильевич Филимонов, опубликовав книгу, выгодно выделяющуюся на общем фоне работ по истории отдельных населенных пунктов Псковского края глубиной рассмотрения темы⁴³.

Истории деревень современного Пушкиногорского района посвящена работа Виктора Григорьевича Никифорова⁴⁴, которая привлекает стремлением автора к обстоятельности, системности и научности изложения результатов исследования деревень, ранее относившихся к Опочецкому уезду Псковской губернии. Данная книга может стать в

---

⁴² Васильев М. Е., Васильев Г. М. Велье: история старинного псковского села Велья. Михайловское, 2001.

⁴³ Филимонов А. В. Велье и его округа. Псков, 2012.

⁴⁴ Никифоров В. Г. Деревни Пушкинского края: история, население, судьбы (конец XVIII – начало XX в.). Т. 1. Псковская губерния, Опочецкий уезд (ныне – Псковская область, Пушкиногорский район). Деревни прихода Пятницкой церкви Святогорского монастыря. СПб., 2014.

некотором роде примером оформления результатов исследования подобного рода, а также достаточно прочной основой исследования псковской деревни в целом, поскольку ее отличает скрупулезная проработка архивных материалов, свидетельствующая об искреннем желании В. Г. Никифорова как можно подробнее представить историю каждой из деревень.

«Историю пыталовских деревень» можно с полным правом отнести к академическим изданиям⁴⁵. В монографии представлены материалы историко-этнографического и социально-экономического исследования поселков, деревень и хуторов Пыталовского района Псковской области, которое провели в 1993 – 2003 гг. сотрудники Пыталовской лаборатории социально-экономического развития села Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова, Пыталовского краеведческого музея «Дружбы народов», редакции газеты «Наша жизнь», а также Пыталовского профессионального училища № 19. Для нас особый интерес представляет раздел «История пыталовских деревень в архивных, литературных документах и материалах старожилов» (с. 41–284), который содержит сведения разного объема об отдельных деревнях. Особо следует отметить обстоятельность данного издания, а также качество обработки источников информации.

Порховская деревня предстает перед нами на страницах публикаций Людмилы Леонидовны

---

⁴⁵ Алексеева Н. История пыталовских деревень: ист.-этнографическое и социально-экономическое исследование деревень Пыталовского района Псковской области. М., 2005; Вышгородок. Форпост древнего Пскова / Под ред. Н. А. Цветкова. Пыталово, 2005.

Жуковской⁴⁶, которая, как и другие авторы, пытается сохранить для будущих поколений историю малой Родины, уходящей в небытие вместе с деревнями. Автор старается вести повествование об отдельных деревнях, соблюдая хронологическую последовательность, опираясь на опубликованные источники и воспоминания местных жителей. Объем информации о деревнях различается и, видимо, зависит от имеющихся в распоряжении автора сведений.

История деревень, расположенных на территории Гдовского района, представлена на страницах нескольких изданий. Один из выпусков «Истории Гдова» Юрия Ивановича Афанасьева, судя по названию («Мир деревни»), посвящен деревне, однако интерес для профессионального исследователя может представлять только материал приложений, где отдельно представлены авторские зарисовки по деревням Ремда, Череметь, Скамья, Ветвеник, Добручи⁴⁷.

Более последовательной нам видится история гдовской деревни в публикациях «Не исчезай, моя деревня!» и «Слово о деревне»⁴⁸. История 32 деревень, написанная на основе воспоминаний, которые собирались по единой анкете, включающей 17 наводящих детализированных вопросов, представляет собой тот эмпирический материал, который может быть

---

⁴⁶ Жуковская Л. Л. История исчезнувших деревень на территории колхоза «Заря». Порхов, 2005; Жуковская Л. Л. История деревни Верхний Мост. Порхов, 2005.

⁴⁷ Афанасьев Ю. И. История Гдова. Вып. 13: Мир деревни. Псков, 2011.

⁴⁸ Не исчезай, моя деревня!: из воспоминаний жителей Гдовского района. Псков, 2010; Слово о деревне / Александрова Г. В.: отзывы жителей Гдовского района о книге «Не исчезай, моя деревня!». Гдов; Псков, 2011.

положен в основу исследования истории псковской деревни в целом.

Отдельные работы посвящены деревням Великолукского района – Переслегино и Борки⁴⁹. Более обстоятельным исследованием является работа Л. И. Дроздова, посвященная селу Борки. В книге собран документально-справочный материал об истории села Борки и его жителей. В основу книги положены воспоминания автора и его односельчан. В первой части книги речь идет о послевоенном восстановлении и развитии села, во второй – о людях, посвятивших себя крестьянскому труду, родному краю. В работе приводятся биографические справки о людях, связанных с селом и погибших в годы Великой Отечественной войны.

Описанием дедовичских деревень Яски, Вязь, Красные Горки занимался Иван Николаевич Николаев⁵⁰. Опираясь на историко-художественные материалы, архивные данные, беседы с местным населением, автор предпринял попытку рассказать о жизни дедовчан, и результаты его исследования могут оказаться полезными поколениям будущих исследователей.

Владимир Романович Наушкин рассмотрел историю д. Ольховатка Куньинского района Псковской области⁵¹. Описание истории деревни представляет собой в основном «историю в лицах» и ведется автором

---

⁴⁹ Дроздов Л. И. Борки – село знаковое: докум. повествование: 60-летию хозяйства «Борки» посвящается. Ч. 2. Борки, 2006; Переслегино: вчера, сегодня, завтра: путеводитель. Переслегино, 2008.

⁵⁰ Николаев И. Н. Красные Горки (Краеведческий очерк). Дедовичи, 2000; Николаев И. Н. Яски. Вязь (Краеведческие очерки). Дедовичи, 2000.

⁵¹ Наушкин В. Р. Край люпиновый. Псков, 2007.

в хронологических границах XIX – XX вв. Примечательно наличие в приложениях справочных материалов, среди которых хронология событий 1900 – 1985 гг., поименный список жителей д. Ольховатка 1941 – 1960 гг., список трудовой, технической и творческой интеллигенции, сформировавшейся в период становления и развития колхоза «Путь к коммунизму» Куньинского района, а также выходцев из д. Ольховатка.

Александр Гаврилович Желамский обратился к истории д. Чернецово Усть-Долысского сельского совета Невельского района Псковской области⁵². Необходимо отметить, что автор весьма профессионально пишет историю деревни, работа читается легко, и логика изложения материала понятна.

Исторический очерк о селе Щир Стругокрасненского района Псковской области и его окрестностях написал Алексей Иванович Федоров⁵³. Автором предпринята попытка обобщить основные известные сведения о селе Щир и Щирском погосте, истории прихода, а также рассказать о людях, живших в этих местах. А. И. Федоров не только последовательно и обстоятельно пишет историю одной деревни, но и обращается к рассмотрению других, окружающих Щирское озеро, населенных пунктов: Лог (где бывали в детстве балерины Галина Уланова и Татьяна Вечеслова), Выборово, Крукшино, Заозерье, Бровск, Раёк, Орлова Гора.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

---

⁵² Желамский А. Г. Невечерний свет: (страницы истории Чернецовского края). Деревня Чернецово, Псковская область, 2013.

⁵³ Федоров А. И. Щир: исторический очерк о селе и его окрестностях. Струги Красные, 2014.

1. История псковских деревень представлена большей частью в публикациях в периодических изданиях (районных, областных газетах). Данные публикации отражают отдельные вехи в истории той или иной деревни или посвящены знаковым событиям, произошедшим на территории населенного пункта.
2. Весьма часто мы встречаем историю той или иной деревни на страницах буклета, который явился результатом исследовательской деятельности школьника⁵⁴. При этом мы понимаем, что долговечность такого информационного источника весьма сомнительна, даже при наличии на его страницах важной для исследователей информации.
3. На страницах данных произведений звучат имена крестьян, которые, наверное, значили для страны меньше, чем имена известных помещиков, но составляют историю, а то и славу чьей-то семьи.

---

⁵⁴ История деревень Горской волости, быт, традиции, обряды ее жителей конца XIX – начала XX века / Моисеева Инна; Иванова Надежда: [буклет]. Цапелка: [б. и.], 2006. 1 л.; Болгатовская волость. Опочечкий район. Псковская область: [буклет]. Опочка: [б. и.], 2007. [1] л.; Духновская волость. Опочечкий район. Псковская область: [буклет]. Опочка: [б. и.], 2007. [1] л.; Село Глубокое. Опочечкий район. Псковский область : [буклет]. Опочка: [б. и.], 2007. [1] л.; Село Матюшкино. Опочечкий район. Псковская область: [буклет]. Опочка: [б. и.], 2007. [1] л.; Село Федоровское. Имение Кутузовых: [буклет]. [Б. м.: б. и., 2007?]. [1] л.; Барута – уголок древней новоржевской земли: [буклет]. Новоржев: МУК «Новоржевская ЦРБ», 2009. [1] л.; Столбушино. Скит Епархиального Свято-Успенского Святогорского мужского монастыря. Псковская и Великолукская епархия: [буклет]. [Б. м.: б. и., 2010?]. 1 л.; Расстрелянная деревня / Федорова Н. М.: история деревни Железница: [буклет]. Дедовичи: [б. и.], 2011. 1 л.; 6 июля празднование юбилея деревни Островцы: [мой край родной, мой край озерный... : из истории деревни: буклет]. [Б. м.: б. и.], 2013. 1 л.

4. Практически все авторы описывают печальное состояние современной деревни и вспоминают ее былое могущество, зачастую не материальное, а, скорее, духовное.
5. Как правило, работы опубликованы при финансовой поддержке глав волостей, районов или спонсоров, либо за счет личных средств авторов.
6. За редкими исключениями изученные нами тексты не снабжены сносками и даже списками литературы, хотя в работах звучат обороты вроде «находим», «читаем», «пишет».
7. Авторов отличает непрофессионализм в работе с историческими источниками и оформлении результатов исследований, которые могут быть объяснены исследовательским азартом и отсутствием профессиональной подготовки.
8. Практически все работы базируются, в первую очередь, на автопсии авторов, их воспоминаниях и воспоминаниях их земляков. Помимо этого, некоторым удается привлечь в свои исследования материалы псковских летописей, писцовые книги, метрические книги, исповедные росписи, статистические обзоры, историко-статистические описания населенных пунктов. Набор источников достаточно стандартный, и только отдельным авторам удается его расширить за счет материалов местных периодических изданий.
9. Авторов отличает не только нескрываемая, но даже демонстрируемая любовь к родным местам, что побуждает их заглянуть как можно глубже в историю деревни.

Таким образом, в современной краеведческой литературе проблемы псковской деревни привлекают (за редким исключением) внимание исследователей – любителей истории родного края. Изученные нами

публикации, при соответствующем критическом отношении к ним и учете выявленных недостатков, могут стать основой для проведения комплексного научного исследования псковской деревни.

Задания:

1. Распечатайте карту Псковской области (подбор карты осуществляется самостоятельно). На основе текста лекции отметьте на карте Псковской области районы, история деревень которых изучена в современной краеведческой литературе.
2. Ответьте на вопрос: История деревень какого района Псковской области Вам представляется наиболее изученной? Обоснуйте свой ответ.
3. Назовите известные Вам псковские деревни, историю которых Вы могли бы написать.

Модуль № 4. Источники изучения социального пространства псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.

Конспект лекции «Корпус источников для изучения социального пространства псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.»

Исследование социальных процессов, имевших место в псковской деревне второй половины XIX – первой трети XX вв., базируется на комплексе различных источников: опубликованных и архивных.

К числу опубликованных источников следует отнести описания общин Псковской губернии, проведенные в ходе обследования 1877 – 1880 гг. Вольным экономическим и Русским географическим обществами, в которых уделено внимание повседневной стороне жизни псковского крестьянства в первое десятилетие после реформы 1861 г. Хронологически с данным источником совпадает обследование, проведенное Министерством государственных имуществ. Представленный в нем материал отражает социально-экономическое положение крестьянства, дает представление о включенности крестьян в экономические процессы в губернии и позволяет проследить степень влияния экономических отношений на социальную картину псковской деревни.

Материалы работы местных комитетов о нуждах промышленности, в которых принимали участие и крестьяне, раскрывают проблему соотношения коллективистского и индивидуалистического начал в крестьянском сознании накануне столыпинской аграрной реформы. В них отражен различный спектр мнений о влиянии модернизационных процессов на

традиционные крестьянские устои. Данные труды содержат фактический материал о жизни сельского общества.

На протяжении последнего двадцатилетия XIX в. и вплоть до Первой мировой войны проводились земские подворные переписи, которые фиксировали имущественную дифференциацию в крестьянской среде и позволяют рассмотреть крестьянское общество на микроуровне.

В 1893 г. МВД провело анкетирование волостного и сельского крестьянского управления с целью изучения бюджета данных органов местного самоуправления. Анкетный материал дает информацию о расходах крестьян на социальную сферу (образование, медицину), фиксирует степень распространения социальной поддержки в крестьянской среде.

Социальная сторона жизни крестьянства Псковской губернии нашла свое отражение на страницах периодических изданий, в частности «Вестника Псковского губернского Земства». Опубликованный в нем «Дневник крестьянина» отражает непосредственное впечатление от взаимодействия с городской культурой. Несомненно, что источник носит субъективный характер, но он отражает восприятие меняющейся социальной действительности представителем одной из социальных групп.

Опубликованные материалы не позволяют раскрыть все стороны жизнедеятельности псковской деревни в обозначенных рамках. Комплексное исследование истории псковской деревни 1860-х – 1930-х гг. является возможным лишь благодаря привлечению архивных материалов, хранящихся в фондах Государственного архива Российской

Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центрального Государственного исторического архива С.-Петербурга (ЦГИА СПб), Российского Государственного исторического архива (РГИА), Центрального Государственного архива С.-Петербурга (ЦГА СПб), Центрального Государственного архива историко-партийных документов С.-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Государственного архива Псковской области (ГАПО), Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). В архивах хранится большой комплекс дел, затрагивающий все стороны жизни псковской деревни. Эти материалы сосредоточены в фондах дореволюционного периода: Департамента земледелия, Земского отдела МВД, Департамента государственных земельных имуществ, Второго (Крестьянского) Департамента, канцелярий губернаторов, губернских правлений, губернских присутствий, губернских земских управ, губернских межевых контор и чертежных, губернских управлений земледелия и государственных имуществ, губернских и уездных землеустроительных комиссий, земских начальников, волостных правлений, а также послереволюционного: Колхозцентра СССР и РСФСР, НК РКИ РСФСР, ЦСУ РСФСР, губернских, уездных, а затем окружных комитетов РКП(б)–ВКП(б), губернских и окружных земельных управлений и других. Ценность архивных источников состоит в том, что они дополняют опубликованные сведения обо всех сторонах жизни псковской деревни в изучаемый период, причем огромный пласт этих источников остается неопубликованным.

Наиболее четкое представление о социально-пространственной картине псковской деревни в 1860-х–

1920-х гг. дают мирские приговоры, содержащие решения мирских сходов и отражающие процесс принятия решения. Ценность приговоров как типа источников состоит в том, что по ним можно выявить основные тенденции в развитии псковской деревни в изучаемый период времени, а также определить особенности ее производственной деятельности, динамику социальных функций ее жителей, изменения в повседневном быту и проч.

Поскольку приговоры составлялись сельским сходом, органом крестьянского самоуправления, и представляли собой инициативу «снизу», то они, бесспорно, отражали общее настроение сельского населения, показывая, чем жила деревня в это время. Написанное в приговорах не противоречило крестьянскому мышлению хотя бы потому, что крестьяне никогда не подписывали те приговоры, в которых было что-либо им непонятное. Им важно было, чтобы в приговоре фигурировало лишь то, что они хотят и с чем соглашаются.

В целом это – источник универсальный. Содержание приговоров дает полное представление о русской деревне XIX – первой трети XX вв. В них отражается крестьянский кругозор, объективизируется общественное сознание и настроение российского крестьянства, т.е. для исследователей они являются как бы зеркалом, сохранившим отражение крестьянского менталитета.

Протоколы сельских сходов (общих собраний граждан) 1920-х гг. мы склонны рассматривать как мирские приговоры, так как они аналогичны друг другу как по своему формуляру, так и по характеру содержащейся в них информации.

Особую ценность для нашего исследования представляют опубликованные в газетах письма крестьян. В них чаще выражалось недовольство сельских жителей, которое ассоциировалось в их сознании с действиями властей. Позитивное восприятие крестьянами Советской власти, выражаемое в приветствиях и поздравлениях в связи с очередной годовщиной революции, сменялось негативными оценками. Сообщая о сельских реалиях, крестьяне пытались привлечь внимание властей к своим проблемам и нуждам. В целом газетные публикации содержат информацию не только о восприятии крестьянством политики, проводимой в отношении их мирской организации, но и о существующих на селе проблемах.

Обзор источниковой базы исследования позволяет говорить об их многогранности и разнообразии, что позволяет воссоздать всестороннюю картину развития псковской деревни в изучаемый период. Различные источники, дополняя друг друга, позволяют, на наш взгляд, выявить особенности и тенденции развития социального пространства псковской деревни в условиях модернизации. Необходимо отметить, что при изучении истории псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв. необходимы тщательное сопоставление и взаимопроверка источников.

Задания:

1. На основе текста лекции заполните таблицу «Источники изучения социального пространства псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.»:

Псковская деревня второй половины XIX в.		
№ п/п	Виды источников	Возможности источников
...		
Псковская деревня начала XX в.		
№ п/п	Виды источников	Возможности источников
...		
Псковская деревня в первые годы советской власти		
№ п/п	Виды источников	Возможности источников
...		
Псковская деревня 1920-х – 1930-х гг.		
№ п/п	Виды источников	Возможности источников
...		

2. Прочитайте статьи:

- Алиева Л. В. Документы земельного управления Псковского уездного исполкома об изменениях в социально-пространственной картине псковской деревни в 1918 – 1919 гг. // Материалы девярых Псковских архивных чтений 19–20 ноября 2014 г. Псков: Издательство ООО Печатный двор «Стерх», 2015. С. 222–227.

- Никитина Н. П. Документация волостных правлений как источник о повседневной жизни крестьянства Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Материалы девярых Псковских архивных чтений 19–20

ноября 2014 г. Псков: Издательство ООО Печатный двор «Стерх», 2015. С. 170–176.

Дополните таблицу «Источники изучения социального пространства псковской деревни второй половины XIX – первой трети XX вв.».

3. Составьте письменную характеристику крестьянского дневника как исторического источника по следующей схеме:

1. Тип документа.

2. Название документа.

3. Автор документа.

4. Время создания документа.

5. Цель создания документа.

6. Основное содержание документа. Выявление наличия информации, относящейся к изучаемой проблеме.

Источник: Плисак М. В. Дневник крестьянина как источник по истории мировоззрения сельского жителя (1916 г.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 29. Псков, 2008. С. 125–129. URL: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKGV/ps29/ps_29_11.pdf (дата обращения: 02.12.2015).

Модуль № 5. Социальное пространство псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв.

Конспект лекции «Сельские старосты в пространстве власти псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв.»

Социальное пространство разнообразно и включает в себя множество взаимодействующих полей, в том числе – поле власти. В рамках данной лекции нам хотелось бы сосредоточить внимание на одном из агентов поля власти, на представителе низшего звена крестьянского самоуправления – сельском старосте. Вопрос о сельском старосте в контексте его властных полномочий раскрывается на материале Тамбовской, Воронежской, Орловской, Рязанской, Московской губерний в работах ряда исследователей: В. Б. Безгина, М. Ю. Комаровой и В. Г. Бурловой⁵⁵. Практически все авторы указывают на неоднозначное отношение к сельским старостам как представителю низшего звена власти со стороны крестьян. Вопрос о сельских старостах в этом же контексте на материалах Псковской

---

⁵⁵ Безгин В. Б. Сельская власть в обыденном восприятии крестьянства конца XIX – XX вв. // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2004. Т. 10. № 4Б. С. 1217–1226; Комарова М. Ю. Сельский староста в системе крестьянского самоуправления в Московской губернии в начале XX в. // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. 2012. № 1. С. 13–15; Бурлова Г. В. Сельский староста полномочия и деятельность во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Тамбовской и рязанской губерний) // Вестник Тамбовского государственного университета. 2010. Вып. 5 (85). С. 81–86 и др.

губернии не получил пока достаточно широкого освещения за исключением ряда работ⁵⁶.

Рассмотрим, как отражается социальный статус сельского старосты в псковской деревне во второй половине XIX – начале XX вв. в архивных источниках. Комплекс архивных источников по сельскому самоуправлению разнообразен, но в то же время имеет достаточно плохую сохранность в Государственном архиве Псковской области (далее – ГАПО), что связано с рядом обстоятельств. Во-первых, документооборот сельского самоуправления в Псковской губернии, как правило, велся волостным правлением. Даже книги сельских сходов должны были храниться в волостном правлении⁵⁷. Приговоры сельского уровня составлялись задним числом (о чем свидетельствуют материалы ревизии волостного делопроизводства) и в основном фиксировали только постановку вопроса и принятое решение.

Вся степень противоречий и обсуждения насущных проблем крайне редко возникают на страницах книг приговоров. О страстях, кипевших на сходах, о противоположности мнений свидетельствуют жалобы крестьян, обращенные в различные инстанции: мировому посреднику, уездное по крестьянским делам присутствие, земскому начальнику. В основном жалобы

---

⁵⁶ Никитина Н. П. Должностные лица крестьянского самоуправления // Земля Псковская древняя и современная. Псков: Стерх, 1999. С. 116–127; Органы государственной власти и местного самоуправления в Псковском крае (конец XVIII – XX вв.): очерки истории. Псков, 2014.

⁵⁷ Подробнее см.: Никитина Н. П. Волостные писари в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 41. С. 42–49.

касались неправомерности действия должностных лиц сельского самоуправления и прежде всего сельского старосты. Любопытную информацию о сельском самоуправлении хранят и материалы волостного судопроизводства. Представленный в них материал дает возможность увидеть живую сторону жизни крестьянской общины, отражает наличие в селениях неформальных лидеров – деревенских старост, дает представление о неписаном праве каждого отдельного сельского общества, которое оказывало влияние на официальное крестьянское самоуправление. К сожалению полных книг приговоров волостных судов в ГАПО не сохранилось. Во-вторых, бурные события XX в.: Первая и Вторая мировые войны не обошли стороной Псковскую губернию, что отразилось на сохранности архивных материалов. В то же время сохранившиеся источники дополняют друг друга и позволяют рассмотреть сельского старосту в сфере социального пространства деревни.

Должность сельского старосты, как выборного представителя крестьянства существовала в деревне с незапамятных времен. В условиях крепостного права помещики могли заменять процедуру избрания назначением. Законодательно должность сельского старосты получила свое оформление в ходе крестьянской реформы 1861 г. Особенности реализации данной реформы в Псковской губернии отражены в монографии С. Г. Кащенко⁵⁸. В Псковской губернии деревни были небольшие по количеству дворов (в среднем 6–8), что нашло свое отражение в организации

---

⁵⁸ Кащенко С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. М.; СПб., 2009.

различных уровней крестьянского самоуправления. Так сельское общество включало в себя несколько селений, поэтому в отдельных деревнях помимо юридически избираемого сельского старосты действовал и неформальный староста.

Функции сельского старосты включали в себя несколько направлений деятельности, среди которых следует выделить представительские функции. Сельский староста представлял свое сельское общество не только на волостном уровне, являясь членом волостного правления, но и перед всеми ветвями государственной власти. Таким образом, именно с внешним обликом, поведением, характером сельского старосты власти, контролировавшие крестьянское самоуправление ассоциировали население определенного сельского общества. Трудно сказать насколько сами крестьяне, избравшие сельского старосту, учитывали данный аспект его служебной деятельности. Следующий комплекс деятельности сельского старосты возможно определить как исполнительный функционал. Именно на старосту возлагалось исполнение приговоров сельских сходов, волостных судов, распоряжения волостных правлений, мировых учреждений, а впоследствии земского начальника и всех остальных вышестоящих властей. Иными словами, в системе местного управления он являлся самой низшей исполнительной инстанцией. Забота о состоянии инфраструктуры, прежде всего, путей сообщения, своего сельского общества также входила в круг обязанностей сельского старосты. Для Псковской губернии многие сельские общества отказывались от введения такой должности как сборщик податей и вменяли в обязанности сельского старосты и фискальные функции, т.е. сбор податей и контроль за

исполнением различного рода повинностей, кроме того сельский староста заведовал и мирским капиталом. Следует подчеркнуть, что именно этот аспект разработчики крестьянской реформы ставили в центр системы функционирования крестьянского самоуправления. На плечи сельского старосты ложилось выполнение ряда нотариальных действий, к числу которых относилось и наблюдение за соблюдением условий договоров, как между крестьянами, так и между ними и другими лицами. Полицейские функции так же вменялись законодательством в обязанности сельского старосты: наблюдение за порядком в сельском обществе, учет населения, доводить до населения предписания полиции и распоряжения правительства, доведение до сведения властей информации о неблагонадежных лицах и распространяемых слухах. По распоряжению волостного старшины сельский староста обязан был задерживать бродяг, беглых и дезертиров и препровождать их в земскую полицию. Помимо этого, сельский староста должен был сообщать в волостное правление и земскую полицию о лицах, самовольно отлучившихся из общества. В случае совершения преступления на территории общины сельский староста имел право проводить предварительное дознание. В чрезвычайных ситуациях (пожар, наводнение, падеж скота и т.п.) староста обязан был сообщить об этом в полицию и принять меры к ликвидации последствий. В некоторых сельских обществах для таких экстремальных ситуаций избирался специальный пожарный староста, но чаще всего эту должность выполнял сельский староста.

Являясь представителем низшего звена системы крестьянского самоуправления сельский староста

должен был соблюдать определенную субординацию, в случае нарушения последней на сельского старосту могло быть наложено дисциплинарное взыскание. Например, 1895 г. выдался неурожайным в Псковской губернии, и сельский староста Мурахинского общества Павел Сидоров «...обратился в Министерство Внутренних дел, по телеграфу, с ходатайством об оказании продовольственной помощи крестьянам названного общества...»⁵⁹. За такое ходатайство о ссуде земский начальник подверг Павла Сидорова аресту на семь дней.

Для укрепления авторитета сельского старосты, а так же во избежание коррупционной составляющей, выполнять ряд своих полномочий сельский староста обязан был при двух свидетелях. Перечень таких дел был изложен в ст. 65 «Общего Положения»: «...при производстве личных взысканий, как при полицейских, так и налагаемых крестьянским судом или сходом, при всяком обыске в крестьянском доме или строении, при всяком задержании или взятии под арест, при приеме от сборщика и расходовании мирских денег, при взносе оброчной суммы помещику»⁶⁰. При этом законодательство требовало, чтобы свидетелями были старики из данного сельского общества. Возрастные критерии понятия «старик» в законодательстве установлены не были.

Из перечисленных выше полномочий сельского старосты видно, что он отвечал буквально за все в сельском обществе. Естественно, что персональный состав сельских старост представляет особый интерес.

---

⁵⁹ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2542. Л. 11.

⁶⁰ Крестьянская реформа в России. 1861 год. Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 53.

При выборе старосты возраст особого значения не имел, хотя «Общее Положение» устанавливало для лиц сельского управления возрастной ценз моложе 25 лет⁶¹. В Псковской губернии возраст сельских старост составлял от 30 до 50 лет⁶². Например, в Сине-Никольской волости Опочецкого уезда в 1914 г. было 8 сельских старост. Половина из них была избрана на данную должность только год назад. Трое отбывали свою должность второй год. И только один находился на данной должности 5 лет. Таким образом, смена сельских старост в данной волости осуществлялась часто. Самому старшему сельскому старосте было 60 лет, а младшему 40⁶³. Средний же возраст – 47,5 лет. В данной волости сельскими старостами избирались лица с достаточным жизненным опытом, не молодые, возможно говорить даже, что «старики». Грамотными среди них были только двое. Подавляющее большинство сельских старост были неграмотными. Так в Богородицкой волости Великолукского уезда Псковской губернии из 18 старост грамотным был только один⁶⁴. Естественно, что безграмотность делала сельского старосту более зависимым от всех вышестоящих должностных лиц, умеющих трактовать законы. Неграмотному человеку было очень сложно справиться с документами, спускаемыми в сельское общество. Сам язык делопроизводства был настолько сложен, что крестьяне отмечали, что «...иной раз

---

⁶¹ Крестьянская реформа в России. 1861 год. Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 63.

⁶² Подсчеты автора на основе данных: ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 30.

⁶³ ГАПО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л.12–12 об.

⁶⁴ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 30. Л. 43.

общество подписывается к бумаге, не понимая ее содержания»⁶⁵.

Не имея подготовки к выполнению с бюрократической точностью всех возложенных на них обязанностей сельские старосты подчас грубо вели себя в ряде учреждений. Например, Великолуцкое уездное казначейство жаловалось в уездный мировой съезд на то обстоятельство, что неграмотные сельские старосты «...с грубостью домогаются о выдаче им квитанций без росписи в приходном журнале»⁶⁶.

Сельским старостой мог быть избран только полноправный хозяин, т.е. член общины, пользующийся всеми видами угодий. Некоторые сельские общества предпочитали избирать в должность сельского старосты зажиточных крестьян, считая их более хозяйственными и способными возместить денежные растраты, если такие возникали. В ряде общин должность сельского старосты замещалась поочередно, а иногда крестьяне стремились от нее откупиться. Данное обстоятельство некоторые современники рассматривали как падение престижа авторитета старосты. На наш взгляд, это явилось результатом излишней бюрократизации данной должности, а также нежеланием крестьян тратить свое личное время на различные «отлучки» по делам обществ. Так, гласный Псковского губернского земства Арсеньев отмечал: «...Не идут на эти должности те крестьяне, которые пользуются наибольшим уважением, и потому выбираются менее зажиточные, менее способные лица, рассчитывающие лучше пользоваться

---

⁶⁵ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXV. Новгородская губерния. СПб., 1903. С. 265.

⁶⁶ ГАПО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.

жалованием, чем заниматься кустарным мастерством...»⁶⁷.

В данном контексте интересен и вопрос о финансовом вознаграждении сельских старост со стороны сельского самоуправления. В 1896 г. уездные съезды земских начальников Псковской губернии рассматривали вопрос о финансовой обеспеченности должности земского начальника. Так, Торопецкий уездный съезд высказался за то, чтобы размер жалования сельских старост зависел от количества надельных душ входящих в состав сельского общества. При этом расчет производился от ставки не менее 10 коп. с души⁶⁸. Опочецкий уездный съезд отметил, что сельским старостам, «как несущим по служебным своим обязанностям потерю в рабочей силе в хозяйстве своем...» следует установить жалование в 50 руб., а в более крупных обществах – 75 руб.⁶⁹ В начале 90-х гг. XIX в. в Опочецком уезде размер жалования сельских старост сильно различался. Например, размер жалования сельских старост в одной только Воронежской волости колебался от 14 руб. 80 коп. (Казановское сельское общество) до 62 руб. 60 коп. (Туровское сельское общество) и составлял в среднем – 45 руб. 50 коп.

На членов своей общины сельский староста воздействовал не только силой своего авторитета, но и имел право применять комплекс наказаний, перечень которых определялся ст. 64 «Общего Положения». В их числе «...назначение на общественные работы до двух дней, или денежному, в пользу мирских сумм,

---

⁶⁷ Вестник Псковского губернского земства. 1884. № 18. С. 286.

⁶⁸ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Л. 9.

⁶⁹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Л. 16.

взысканию до 1 рубля, или аресту, не более двух дней»⁷⁰.

Действия сельского старосты могли быть обжалованы крестьянами мировому посреднику, непременно члену уездного по крестьянским делам присутствию, уездному исправнику, земскому начальнику. Эти должностные лица имели право подвергнуть сельского старосту за какие-либо проступки штрафу, а в случае недобросовестного исполнения своих обязанностей отстранить от должности. Так, в Горицкой волости Великолукского уезда в 1865 г. Два сельских старосты (Аполон Матвеев и Алексей Андреев) были отстранены от должности мировым посредником «...за неисправность по должности и нетрезовое поведение...»⁷¹. За 1863 г. Великолукский уездный мировой съезд по инициативе мировых посредников удалил от должности 7 сельских старост. Стоит подчеркнуть, что в последующие годы мировой съезд такого количества сельских старост с должности не снимал. Может это связано со становлением института выборов сельских старост в деревне. Решения об увольнении иногда вызывали пассивный протест со стороны крестьян. Так, крестьяне Яковцевского сельского общества Великолукского уезда после увольнения по инициативе их бывшего помещика сельского старосты Ивана Ермолаева обратились с прошением в мировой съезд, где указали что «...они его Ермолаева находят к себе соответственно хорошим во всех отношениях а избрания другого не желают. Если же высшее

---

⁷⁰ Крестьянская реформа в России. 1861 год. Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 53.

⁷¹ ГАПО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 6. Л. 33.

начальство найдет домогательство помещика увольнения достойным, то лучше полагают иметь наемного сельского старосту»⁷².

Источники упоминают о наличии в ряде общин наряду с официальным старостой неофициального. Упоминание о таком «особом» сельском старосте в селениях Ульяново, Страхово и Семеново имеется в материалах съезда мировых посредников в Великолукского уезда Псковской губернии 1870 г.⁷³ О широте института неофициальных старост говорить достаточно сложно, т.к. какая-либо статистика по данному вопросу отсутствует.

Положение сельского старосты было двойственным с одной стороны он представлял собой главное должностное лицо в сельском обществе. С другой стороны, на его плечи ложился достаточно большой круг обязанностей, выполнение которых контролировалось сверху. Крестьяне рассматривали его как выборное лицо, которое должно было решать прежде всего их проблемы. Не исключены были случаи конфликта между старостой и всем сельским обществом. Например, в 1865 г., сельский староста Федюшкинского общества Великолукского уезда вмешался в процесс раздачи хлеба из запасного магазина, предложив неприемлемые для крестьян условия его получения. Крестьяне на сельском сходе высказались за снятия старосты с должности. Ответ старосты Павла Семенова был грубым, он заявил, что общество сменить его не сможет и даже угрожал судом. На действия общества староста пожаловался мировому

---

⁷² ГАПО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.

⁷³ ГАПО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 8. Л. 102.

посреднику, последний встал на сторону старосты⁷⁴. Стоит подчеркнуть, что в Псковской губернии подобные ситуации имели место в первые два десятилетия после отмены крепостного права. В дальнейшей идет процесс бюрократизации должности сельского старосты. Это приводит к определенному формализму в их деятельности. Один из земских начальников Великолукского уезда отмечал, что сельские старосты «...в редких случаях держатся как начальники в своих обществах, исполняя лишь только то, что определено начальством»⁷⁵.

Положение сельского старосты в социальном пространстве псковской деревни определялось несколькими обстоятельствами: административным функционалом, традициями каждого конкретного общества, личными качествами. Их различное соотношение и определяло особенности положения сельского старосты в каждом отдельном обществе.

Задания:

1. На основе текста лекции составьте характеристику деятельности сельских старост в псковской деревне второй половины XIX в.

2. Прочитайте статью:

- Никитина Н. П. Волостные старшины в системе крестьянского самоуправления и социальном пространстве псковской деревни (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской реформы в России): материалы

---

⁷⁴ ГАПО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 6. Л. 90 об.

⁷⁵ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1 Д. 15. Л. 10.

международной научно-практической конференции. Псков, 2015. С. 138–148.

На основе текста статьи определите социальные позиции сельских старост и волостных старшин в поле власти.

3. Прочитайте главу монографии:

- Алиева Л. В., Никитина Н. П. Сельское и волостное самоуправление в 1861 – 1917 гг. // Органы государственной власти и местного самоуправления в Псковском крае (конец XVIII – XX вв.): очерки истории. Псков, 2014. С. 122–141.

На основе текста главы монографии составьте схему управления псковской деревней во второй половине XIX – начале XX вв.

План практического занятия «Экономическое пространство псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв.»

1. Поземельные отношения.
2. Распространение арендных отношений.
3. Отхожие промыслы псковских крестьян.
4. Процессы миграции в псковской деревне.

Источники информации:

1. Канищев В. В. Сравнительный анализ естественного движения крестьянства центральных и северо-западных губерний Европейской России во второй половине XIX – начале XX вв. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: БФУ им. Иммануила Канта, 2012. С. 87–108.
2. Мусаев В. И. Эстонские крестьяне-колонисты в северо-западных российских губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы аграрной

истории Северо-Запада России. К 150-летию отмены крепостного права в России. Труды межрегиональной научной конференции 20–22 сентября 2011 г. Псков, 2011. С. 310–325.

3. Никитина Н. П. Крестьяне-общинники в неурожайные годы // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков: ПГПИ, 1998. № 8. С. 131–133.

4. Никитина Н. П. Виды переделов земли на Северо-Западе России в пореформенный период (1861–1906 гг.) // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 2001. С. 60–69.

5. Никитина Н. П. Арендные отношения в псковской деревне в пореформенное время // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков: ПГПИ, 2002. № 16. С. 122–130.

6. Никитина Н. П. Поземельные отношения в крестьянской общине Северо-Запада России (1861–1906 гг.) // Социально-экономические проблемы деревни Северо-Запада России XIX – XX вв. (К 150-летию отмены крепостного права в России). Псков, 2012. С. 10–46.

7. Никулин В. Н. Льноводство в Псковской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2000. С. 19–27.

8. Никулин В. Н. Из истории лесных промыслов сельского населения северо-западных губерний России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: БФУ им. Иммануила Канта, 2012. С. 119–138.

9. Никулин В. Н. Деревня и город (из истории отхожих промыслов крестьян псковской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.) // Северо-Запад в

аграрной истории России. Калининград: БФУ им. Иммануила Канта, 2013. С. 144–154.

10. Петрова Н. В. Крестьянские миграции в Псковской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Социально-экономические проблемы деревни Северо-Запада России XIX – XX вв. (К 150-летию отмены крепостного права в России). Псков, 2012. С. 104–133.

План практического занятия «Пространство власти в псковской деревне второй половины XIX – начала XX вв.»

1. Должностные лица сельского самоуправления.
2. Властные полномочия сельских старост в пореформенной деревне.
3. Функции сельского общества.

Источники информации:

1. Алиева Л. В., Никитина Н. П. Сельское и волостное самоуправление в 1861 – 1917 гг. // Органы государственной власти и местного самоуправления в Псковском крае (конец XVIII – XX вв.): очерки истории. Псков, 2014. С. 122–141.

2. Никитина Н. П. Полицейские функции крестьянской поземельной общины Северо-Запада России (1861–1906 гг.) // Правоохранительная деятельность Псковской области: история и современность. Псков: издательство Государственного центра народного творчества, 1999. С. 24–28.

3. Никитина Н. П. Селенные и сельские сходы Северо-Запада в пореформенное время (на примере приговоров сельских обществ Псковской и Новгородской губерний) // Псков. Научно-практический, историко-

краеведческий журнал. Псков: ПГПИ, 1999. № 11. С. 91–97.

4. Никитина Н. П. Должностные лица крестьянского самоуправления // Земля Псковская древняя и современная. Псков: Стерх, 1999. С. 116–127.

5. Никитина Н. П. Деятельность волостных правлений Псковской губернии в пореформенный период // Псковская губерния и ее архив: история и современность. Псков: Псковская областная типография, 2001. С. 40–43.

6. Никитина Н. П. Крестьянское самоуправление в Псковской губернии в период первой русской революции // Вестник Псковского государственного университета. «Серия Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Выпуск 2. Псков: Псковский государственный университет, 2013. С. 68–70.

7. Никитина Н. П. Волостные писари в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал, 2014. № 41. С. 42–49.

План практического занятия «Пространство повседневности псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв.»

1. Внешний облик псковского крестьянства.
2. Язык и речь крестьянского населения Псковской губернии.
3. Природа и основные виды хозяйственной деятельности псковских крестьян.
4. Семейный быт псковского крестьянства.
5. Строительная культура псковских крестьян.

Источники информации:

1. Верняев И. И. Поземельные отношения в крестьянских общинах Псковской губернии во второй XIX – начале XX в. // Вопросы этнической истории народов России: межвуз. сб. СПб., 2004. С. 85–96.
2. Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1999.
3. Кондратьева О. А. Быт и культура крестьян Северо-Запада России в XIX – начале XX вв. // Псков. 2000. № 12. С. 161–164.
4. Ланцев В. В. Архитектура крестьянской усадьбы Псковского края (конец XIX – начало XX в.) // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф.: в 2 т. М.: МГУП, 2003. Т. 2. С. 82–88.
5. Лутовинова И. С. Отражение быта в речи псковских крестьян // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф.: в 2 т. М.: МГУП, 2003. Т. 2. С. 218–224.
6. Семья и семейный быт пыталовских крестьян в XIX – первой половине XX вв. // История пыталовских деревень: ист.-этногр. и соц.-экон. исследование деревень Пыталовского р-на. М., 2005. С. 19–28.
7. Трофимова Г. Т. М. И. Семевский о состоянии грамотности крестьян Псковской губернии второй половины XIX в. // Земля Псковская, древняя и современная: тезисы докладов к науч.-практ. конф. Псков, 1992. С. 49–50.

Модуль № 6. Социальное пространство псковской деревни 1917 – 1930-х гг.

Конспект лекции «Проявления ксенофобии в среде общинного крестьянства в 1920-е гг.»⁷⁶

Прежде, чем обратиться к рассмотрению заявленной проблемы, необходимо определить, что же мы понимаем в данном случае под ксенофобией. Ксенофобия – это нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному, которое воспринимается как непонятное, непостижимое, а поэтому опасное и враждебное. Эта нетерпимость проявляется в рамках конфессиональных, расовых, этнокультурных, социальных и др. конфликтов и актов насилия. Как социально-психологическое явление, ксенофобия коренится как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Люди на различных этапах развития общества склонны воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной группы, выступающей в качестве эталона или оптимума: «Мы» («Свои») лучше, чем «Они» («Чужие»). В данном случае под «Мы» нами будет пониматься крестьянство, рассматривающее себя с точки зрения принадлежности к такому традиционному для данной социальной категории институту как крестьянская поземельная община, т.е. исторически сложившаяся форма совместного

---

⁷⁶ Алиева Л. В. К вопросу о проявлениях ксенофобии в среде общинного крестьянства Северо-Запада России в 1920-е гг. // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Выпуск 13. Псков: ПГПУ, 2011. С. 56–61.

пользования землей и самоуправления российского крестьянства.

Объекты ксенофобии. Корпус источников, отражающих проблемы функционирования данной организации крестьян в 1920-е гг., позволяет определить круг лиц, относимых общинным крестьянством к категории «Чужих».

В трудах В. И. Ленина неоднократно звучала мысль: «Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством»⁷⁷. Это только одно из высказываний советского руководства, иллюстрирующее подчиненное положение абсолютного большинства населения страны – общинного крестьянства. В сознании крестьян прочно коренилась мысль, что на их труде, как и в прежние времена, просто-напросто наживаются, не давая им ничего взамен. Только если раньше крестьянское недовольство проявлялось, помимо правящей власти, в отношении помещиков, то новый этап в развитии государства обозначил нового социального конкурента – рабочий класс, отрицательные оценки которого формировались сквозь призму экономических и культурных различий в образе жизни этих двух социальных групп.

Из выступлений крестьян следует, что, по их представлениям, большевики вместе с меньшинством, представленным рабочим классом, сознательно проводили государственную политику в ущерб интересам крестьян, что вело к разорению их хозяйств. При этом крестьяне считали, что пролетариат имеет множество привилегий, пользуется большими

---

⁷⁷ Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге 27 мая // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 43. М., 1970. С. 318.

политическими и социальными правами и проч. Поэтому нелюбезные отзывы о рабочих звучали на сельских сходах, перевыборных собраниях, в письмах в газеты, в партийные и советские органы. Нередко в адрес рабочих раздавалась злобная, оскорбительная критика, сопровождавшаяся призывом к свержению диктатуры пролетариата. Необходимо отметить, что критика была характерна для всех имущественных категорий крестьянства, а не только зажиточных, и ее существование отрицало официальный тезис о союзе двух классов, об имеющейся смычке между городом и деревней.

Так, в отчете Северо-Западного областного бюро ЦК РКП(б) о партийной работе, политическом и хозяйственно-экономическом состоянии Северо-Западной области отмечалось, что «ревность крестьян к городским рабочим растет повсеместно»⁷⁸. На общем собрании бедноты с. Свинорда Ниже-Шелонской сотни крестьянин Кулев говорил: «В Москве и Ленинграде рабочие – капиталисты, ибо получают по 100 рублей жалования и могут копить деньги, если бы не пьянствовали; нужно жалование рабочим сбавить и позаботиться о крестьянине»⁷⁹. На подобном же собрании в д. Заполье Новгородского округа крестьянин Кузьмин заявлял, что «рабочим лучше живется, чем крестьянам, им увеличивают все жалованье, а с крестьян все сдирают, рабочие сидят на шее крестьянина»⁸⁰. Об этом же рассуждал в августе 1925 г. на беспартийной крестьянской конференции Ашевской волости Новоржевского уезда Псковской губернии один

⁷⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 74. Л. 38.

⁷⁹ ГАНИНО. Ф. 128. Оп. 1 Д. 594. Л. 81. См. также: ГАНИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 537. Л. 200.

⁸⁰ ГАНИНО. Ф. 128. Оп. 1 Д. 594. Л. 80.

из жителей д. Приветки, по словам которого нельзя говорить о действующем советском правительстве как о крестьянском, ибо оно является правительством рабочих, последних и защищает: ведь мы не знаем случая, когда бы за недоимки у рабочих забирали самовар, шкаф, тогда как они получают в 12 раз больше крестьянина⁸¹.

В августе 1926 г. в информационной сводке Псковского губкома ВКП(б) сообщалось, что в отдельных волостях все социальные группы деревни поднимали вопрос о неравноправном положении жителей города и села, и что рабочие не помогают деревне, не повернулись к ней лицом⁸².

В 1928 г. середняк д. Окладнево Боровичского округа говорил: «Много у мужика наболело на сердце, но что зря говорить, если его слова останутся или непонятыми или, еще хуже, сосчитают за кулацкое подпевание. Нынче это можно. Как высказал недовольство против не порядков, что – вот этого не хватает, что – вот мужику тут тяжело, да и в другом месте не сладко гладишь тебя скорехонько подкулачником посчитают. А мужик, хоть ему и трудно, все же терпит. Вот говорят о союзе рабочего с крестьянином, а этот союз мужику вот как на шее сидит»⁸³.

Справедливости ради надо сказать, что неприятие рабочего класса крестьянством не было абсолютным. В крестьянской среде встречались люди, которые относили собственную неустроенность к результатам политики партии и ни косвенно, ни

⁸¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1379. Л. 160.

⁸² Климин И. И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). Т. 2. СПб., 2007. С. 226.

⁸³ ГИАНО. Ф. Р-1123. Оп. 1. Д. 11. Л. 44.

напрямую с пролетариатом их не связывали. Судя по всему, они располагали бóльшим объемом информации о жизни рабочего класса в 1920-е гг., представители которого, как известно, также высказывали недовольство собственным уровнем жизни в различных формах.

«Назначенцы» – еще одна категория граждан, попавших для крестьян-общинников в категорию «Чужих». Речь в данном случае идет о представителях органов власти – сельских и волостных советов.

Неприятие крестьянами «назначенцев» было связано с неприязнью, которую сельские жители испытывали к продавливаемым сверху решениям, кандидатам и т.п. Партийно-советские органы местной власти без какой бы то ни было альтернативы предлагали крестьянам проголосовать за заранее внесенных в списки коммунистов и их сторонников без всякого предварительного обсуждения выдвигаемых кандидатур.

Так, по признанию секретаря Псковского губкома РКП(б) Струппа, до апреля 1925 г. в сельские советы коммунисты и комсомольцы избирали «сами себя». Согласно данным Новгородского губкома, в том же 1925 г. во время избирательных кампаний деревенские коммунисты, не будучи способными наладить конструктивный диалог с крестьянами, «навязывали кандидатуры в волостные и сельские советы, а кое-где нарушали принцип выборности назначенством». К подобным выводам пришло и Северо-Западное бюро ЦК РКП(б) в ходе проведения

выборочного обследования 6 волостей Ленинградской, Череповецкой, Новгородской и Псковской губерний⁸⁴.

Такая система формирования сельских и волостных советов – при жестком административном давлении и категоричном следовании классово-идеологическому принципу – не только фактически отстраняла крестьянство от участия в выборах, но и приводила к обратному результату, способствуя отчуждению «назначенцев» от основной крестьянской массы вне зависимости от их личностных качеств. Крестьяне априори исходили из того, что снимают хороших людей, а назначают ничего не понимающих, у которых в таких условиях не складываются отношения с крестьянством, поскольку оно не идет на контакт с властью. Причины такого антагонизма раскрывают следующие формулировки: «Мы вас не выбирали», «Они не нами избраны, они чужие», «Чужих в волость людей назначают, не просясь у нас». В 1925 г. один псковский крестьянин на беспартийной конференции высказался следующим образом: «Почему нам самим не дают выбирать вики, а назначают из уезда, да еще таких, которые не знают крестьянской жизни. Каждый год новый председатель только дело портит»⁸⁵.

Во многом общинное крестьянство противопоставляло себя и сельским коммунистам. Городской (а значит – пришлый) состав многих членов деревенских коммунистических ячеек, наличие в них люмпенизированных крестьян, не умеющих и не желающих, по мнению общинного крестьянства, работать на земле, командно-административные методы

---

⁸⁴ Климин И. И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). Т. 2. СПб., 2007. С. 16.

⁸⁵ Климин И. И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). Т. 2. СПб., 2007. С. 18.

управления – все это отталкивало основную массу крестьянства от большевиков. Об этом свидетельствуют не только заявления крестьян на сельских сходах, но и официальные документы региональных партийных органов.

В материалах Новгородского губкома РКП(б) в середине 1920-х гг. красной нитью проходит мысль об оторванности местных большевистских организаций от крестьянского населения. Например, 1 июля 1925 г. Новгородский губком РКП(б), анализируя деятельность коммунистических организаций за февраль-апрель, констатировал сохранение негативной реакции сельчан на работу деревенских большевиков, поскольку побывавшие в деревнях 40 ответственных уездных и губернских работников единогласно заявляли о том, что «ячейки с массами не связаны, авторитетом не пользуются».

Об утрате связей с населением неоднократно сообщалось и в материалах Псковского губкома РКП(б) в изучаемый период. Например, инструктор губкома партии Я. А. Витоль после проверки Жадрицкой волостной ячейки Новоржевского уезда в 1925 г. пришел к выводу, что она не имеет связи даже с беспартийными крестьянами, включая бедняков. 16 марта 1925 г. секретарь Псковского губкома РКП(б) Струппе в своем письме в вышестоящие органы признавал: некоторые деревенские ячейки разложились, а коммунисты остались изолированными от лучшей части крестьянства.

Причины сложившейся ситуации Северо-Западное бюро ЦК РКП(б) видело в несбалансированном социальном составе сельских партийных ячеек, в которых крестьяне составляли 10%, а остальные 90% были людьми «пришлыми», т.е. не

местными жителями. Отчужденность основной массы сельского населения от деревенских коммунистов имела место и в других районах РСФСР, а не только в Северо-Западной области.

Следует подчеркнуть, что конкретные объекты ксенофобии у разных групп и индивидов могут варьироваться. В нашем случае это означает, что отдельные представители крестьянства могли противопоставлять себя и другим, не упомянутым нами, категориям «Чужих», но единым фронтом, консолидированно они, как было показано выше, выступали против рабочих, «назначенцев» и местных большевиков, которых коммунистическая партия и советское правительство стремилось использовать для достижения, безусловно, великих целей, но без учета интересов крестьян.

Формы проявления ксенофобии в отношении вышеназванных «Чужих» были довольно разнообразны, что позволяет их классифицировать.

К вербализованным формам следует отнести: устные высказывания негативного характера на сельских сходах или выборных собраниях, критические высказывания в адрес кандидатов на различные должности, антиизбирательные суждения, отвержение отдельных кандидатов или списка кандидатов на выборных собраниях, отстаивание своих кандидатов, отстаивание своих конституционных и гражданских прав, выдвижение антисоветских и антибольшевистских лозунгов, отказ от голосования, саркастические вопросы кандидатам, письменные заявления критического характера в вышестоящие органы, письма в газеты, протесты, жалобы в волисполком и др.

Невербализованными формами демонстрации нетерпимости являлись электоральный абсентеизм,

отмена итогов голосования, срыв собраний, намеренное затягивание времени проведения собраний, использование законных методов давления на власть, угрозы физической расправой.

Приведенная классификация весьма условна и в полной мере не позволяет провести разделительную черту между двумя названными группами, поскольку разные виды ксенофобии, как правило, пересекаются, сливаясь в единое целое. В нашем случае, для анализа форм проявления враждебности в отношениях между общиной и чуждыми ей элементами окружающего социума следует использовать системно-многофакторный подход, что должно стать предметом отдельного исследования, в рамках которого следует, на наш взгляд, предпринять попытку классифицировать упоминаемые в источниках формы проявления ксенофобии в рамках различных бинарных оппозиций: насильственные – ненасильственные, легитимные – нелегитимные; спланированные – стихийные; индивидуальные – коллективные; документированные – недокументированные; пассивные – активные и др.

Исходя из тезиса о том, что носителями и проводниками ксенофобии являются, прежде всего, те слои и группы, которые чувствуют угрозу своей социальной идентичности и боятся подчинения и поглощения более мощными силами, одним из факторов, способствовавших появлению фронтального противопоставления крестьянства чуждым ему элементам, следует считать государственную политику по отношению к общинному крестьянству.

Несомненно, что новое экономическое регулирование крестьянского хозяйства в период НЭПа при всех его ошибках и просчетах, а также неоднозначной социально-экономической

эффективности имело большое значение для экономического роста страны, для улучшения уровня жизни населения, прежде всего городского. Но разве могли политически неграмотные крестьяне осознать задачу государственной важности? Ведь о том, чтобы накормить голодную деревню в трудные времена, по мнению самого крестьянства, мало кто заботился⁸⁶: «Дело власти лишь бы побольше взять, а как мужику живется никому нет дела. Мы что, вот здесь, в читальне поругаемся, покричим и разойдемся, а кому какое дело, что мы волком от нужды воем»⁸⁷. Поэтому в рассуждениях крестьян довольно часто и проводится сравнение со старой властью и прежними порядками в деревне (в Старорусском уезде Новгородской губернии вопрос обсуждался в плоскости: что лучше: царь или Советы?⁸⁸), и хотя предпочтения прошлому не наблюдается – слишком близким и хорошо знакомым было еще это прошлое, сам факт сопоставления подчеркивает тяжесть настоящего, ничуть не улучшившего социально-экономического положения деревни после революции. «Когда мы дураки нужны были революцию делать, то нам кричали, что земля крестьянам будет без выкупа, а теперь, после революции, за ту же земельку снова дерут, да еще побольше, чем раньше. Как раньше мужика земелька мучила, так и теперь она его в гроб загоняет. Фабрики-то рабочие получили, они и живут, а вот мужика-то в старый хомут только с другой стороны загнали... Мужик остался обойденным», – говорили на собрании в д. Окладнево Боровичского района⁸⁹. «При Советской

---

⁸⁶ ГАНИНО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 412. Л. 3.

⁸⁷ ГИАНО. Ф. Р-1123. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

⁸⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 74. Л. 39.

⁸⁹ ГИАНО. Ф. Р-1123. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

власти крестьянскому хозяйству нельзя богатеть и развиваться – за все дерут. Лучше отберите от нас земельку, а нас возьмите к себе в работники», – заявляли крестьяне д. Городок Рождественского района Боровичского округа⁹⁰.

Подобная критика с точки зрения крестьянина была абсолютно объективной и справедливой, поскольку в оценке своего существования и анализе мероприятий советской власти в отношении села он исходил, прежде всего, из представлений о материальном благе себя и своей семьи, а не с позиций общегосударственных интересов. Иными словами, в данном случае мы имеем дело с ярко выраженным крестьянским эгоцентризмом и социально-психологической установкой крестьянства на восприятие своего хозяйства как довлеющей, самодостаточной единицы.

Еще одним фактором, способствовавшим формированию отчужденности крестьянства по отношению к названным категориям граждан, была его принадлежность к общине. Характерными чертами крестьянской общины в рассматриваемую эпоху (как, впрочем, и в предшествующий период) являлись автаркичность, замкнутость (доходящая до целенаправленной самоизоляции), противопоставление себя внешнему миру, зачастую носящее непримиримый характер. Локализм крестьянского мира в условиях послевоенной разрухи и усилившегося давления со стороны государства вновь дал о себе знать, явившись естественной и адекватной защитной реакцией, и противопоставил себя большевистскому курсу на огосударствление всех сфер общественной жизни. Как

---

⁹⁰ ГИАНО. Ф. Р-1123. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

мы знаем, государство все 1920-е гг. искало и, в конце концов, нашло эффективный, но разрушительный для деревни способ борьбы с общинным локализмом и самой общиной в форме сплошной коллективизации.

Таким образом, в рассматриваемый период ксенофобия выступала, с одной стороны, как рудимент первобытного трайбализма, желания любой ценой сохранить свои «исконные» свойства, а с другой – как специфическая идеология, с помощью которой общинное крестьянство мобилизовало силы на борьбу с «чужаками». Образ врага при этом демонизировался и наделялся всевозможными пороками, часто не имеющими под собой реальной почвы.

1920-е гг. были чрезвычайно сложным, во многом противоречивым и вместе с тем интереснейшим периодом отечественной истории. Крестьянин зачастую проявлял себя в мозаике событий этого периода времени индивидуально, не прикрываясь мнением общества или большинства. Расслоение сознания членов крестьянского сообщества, поляризация мнений крестьян о происходящем в целом в стране или в своей деревне является косвенным свидетельством расслоения прежнего общинного сознания. И все же все сферы жизни крестьянского сообщества пронизывало групповое общинное сознание. Это было сознание коллектива людей, связанных между собой не только деловыми отношениями, но и эмоционально, сознание, ориентированное на идущие исстари традиции и идеалы⁹¹. Для крестьянина община являлась целым миром, и людей он делил по степени принадлежности к

---

⁹¹ Данилов В. П., Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России XIX – XX вв.: материалы международной конференции (Москва, 14–15 июня 1994 г.). М., 1996. С. 26.

этому миру на «чужих» и «своих». Проводимая партией и правительством политика в отношении деревни воспринималась крестьянином через призму общинного сознания, поскольку община была институтом социализации отдельного индивида, и внешнему миру крестьянин противостоял не как отдельный индивид, а через общинную организацию. С малых лет он воспринимал в виде непреложных законов естества порядки, обычаи и традиции своей общины и нарушение этих традиций со стороны государства порождало неприятие политики государственной власти.

Задания:

1. На основе текста лекции назовите формы проявления ксенофобии в крестьянской среде 1920-х гг.
2. На основе текста лекции сформируйте параметры образа «своих» в крестьянской среде 1920-х гг.
3. Прочитайте статью:

- Алиева Л. В. К вопросу о проявлениях общинной ксенофобии в крестьянской поземельной общине Северо-Запада России в период проведения столыпинской аграрной реформы // Уголовно-исполнительная система: от подготовки специалиста до практической деятельности. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под общей ред. Б.Б. Казака. Псков: ПЮИ ФСИН РФ, 2009. С. 5 – 9.

На основе текста лекции и статьи проведите сравнительный анализ объектов ксенофобии в крестьянской среде до и после событий 1917 г. Ответ оформите в виде таблицы:

Объекты ксенофобии в крестьянской среде	Объекты ксенофобии в крестьянской среде в
---	---

начала XX в.	1917 – 1920-х гг.
...	...
Вывод:	

Сделайте вывод к таблице, сформулировав причины изменения объектов ксенофобии.

Конспект лекции «Образ Ленина как ресурс тоталитаризации российского крестьянства в 1920-е гг. (по материалам Псковской и Новгородской губерний)»⁹²

21 января 2014 г. исполнилось 90 лет со дня смерти Владимира Ильича Ленина. Его фигура до сих пор вызывает неоднозначную реакцию, оценки его личности и исторической роли амбивалентны. Несомненным в оценках В.И. Ленина является одно – это великий человек, сумевший изменить не только Россию, но и мир.

Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков, захватив власть в октябре 1917 г., имела только общее представление о предстоящей деятельности. Поскольку не было тщательно разработанного плана деятельности, действуя в соответствии с которым можно было приблизиться к светлому будущему, многое зависело именно от лидера, способного повести за собой, каковым на тот момент и являлся Ленин. Однако примерно с марта 1923 г. Ленин

---

⁹² Алиева Л. В. Образ Ленина как ресурс тоталитаризации российского крестьянства в 1920-е гг. (по материалам Псковской и Новгородской губерний) // VÁsture: avoti un cilvÁki. XXIV zin,tniskie lasÓjumi. VÁsture XVIII. Saleniece I., atb. red. Daugavpils: Daugavpils Universit,tes AkadÁmiskais apg,ds iSaulei, 2015. 16–22 lpp.

утрачивает свое политическое влияние в связи с болезнью, что было чревато для новой власти утратой достигнутых позиций, доверия и взятого темпа деятельности. Не желая терять столь значимый фактор большого политического значения еще при жизни Ленина партийное руководство использует его образ как ресурс для строительства государства нового типа .

В соответствии с формулой К. Маркса изменение бытия должно было повлечь за собой изменение сознания автоматически или, в случае необходимости, при небольшом давлении. Изменение «бытия» означало, прежде всего, слом старой государственной, экономической, социальной системы. Один из наиболее мощных разрушительных ударов наносился, безусловно, обществу, мишенью в котором стали все человеческие связи, которые составляли общественную ткань: религия, семья, историческая память, язык. Для строительства государства нового типа нужен был человек нового типа – государственный житель, человек, который должен был ощущать себя клеточкой государственного организма. И в рамках данного строительства шла систематическая, планомерная атомизация общества, лишение индивида выбранных им связей, замена их связями, выбранными для него, одобренными государством. Человек оставался лицом к лицу, один на один с государственным левиафаном. Только «влившись в коллектив», став каплей «массы» можно было спастись от пугающего одиночества.

Анализ текстов нескольких приговоров сельских сходов и протоколов общих собраний граждан деревень Псковской и Новгородской губернии 1920-х гг., в которых отражено содержание выступлений коммунистических агитаторов перед крестьянами позволяет получить представление о формирующемся

культе В.И. Ленина как системообразующем элементе возникающего в СССР тоталитарного режима.

Владимир Ильич Ленин в текстах называется и просто «Ленин» и «Ильич». Обращение по отчеству, то есть особым образом оформленному имени отца, в выступлениях агитаторов было призвано подчеркнуть не только уважение к Ленину и дружеское к нему расположение, но и его близость народу. Такого рода обращение, широко распространенное в крестьянском обиходе, было доступно для понимания крестьянами и приближало Ленина к их среде.

В выступлениях перед крестьянами определяются различные ипостаси Ленина. Он – «вождь угнетенных всего мира», «великий вождь», «учитель трудящихся», «Великий Учитель». Ленин – многолик. Он един в нескольких лицах. Он – вождь, то есть правитель и предводитель всех угнетенных всего мира. Он – учитель, то есть он воспитывает и обучает своих подопечных, трудящихся, везде и всегда сопровождает их с целью более успешной социализации и успешного вхождения в общество нового типа.

Фигурирует в документах еще и «Коллективный Ленин». Что такое «Коллективный Ленин»? «Коллективный Ленин» – это Коммунистическая партия большевиков. Партия – это наследник Ленина. Именно партия получает имущество (в широком смысле – страну), верховную власть и является продолжателем идей Ленина.

Следует отметить, что вопрос о наследнике Ленина стоял весьма остро до и после его смерти. Это отчетливо проявилось в ожиданиях или опасениях смены власти и порядка в связи со смертью Ленина. Так как партия держалась на харизме Ленина, его болезнь и уход из политики вызвали в «верхах» страх ослабления

партии и ее авторитета в народе. Траурные мероприятия и сочувствие масс к умершему были максимально использованы партийным руководством, чтобы перенести харизму Ленина на институты власти и, в первую очередь, партию. Во всей стране нельзя было найти человека, который смог бы соответствовать его величию и стал бы подлинным правопреемником не только на деле, но и в сознании масс. Сопоставлены по своему величию могли быть, пожалуй, только Ленин и партия. Поэтому в выступлениях агитаторов образ Ленина неотделим от Коммунистической партии. Понятие Коммунистическая партия персонифицировалось в имени вождя. Именно на укрепление связи имени Ленина с партией были направлены усилия партийного руководства и агитаторов. Как в связи с этим не вспомнить Владимира Владимировича Маяковского, который в своем творчестве даже подчеркнул генетическое родство «братьев» – Ленина и партии, родной матерью которых выступает «история».

Партия и Ленин – близнецы-братья –
 кто более матери-истории ценен?
 мы говорим Ленин,
 подразумеваем – партия,
 мы говорим партия,
 подразумеваем – Ленин.

Агитаторы призывают всех участников сельских сходов чтить заветы Ильича и проводить их в жизнь, что напрямую связано с реализацией планов партии и

правительства. Особые акценты в выступлениях делаются на таких заветах как: «К 10-й годовщине Советской власти не должно быть ни одного неграмотного», «Смычка города с деревней – основа мощи Советской власти», «Берегите боеспособность Красной Армии как зеницу ока», «Кооперация есть прямой путь к социализму». Именно их реализация является задачей первостепенной важности для правительства в 1920-е гг., поэтому понятно фигурирующее в тексте уточнение, опять-таки со ссылкой на Ленина, что слова не должны расходиться с делом.

Ожидания от целевой аудитории, в нашем случае – крестьянства, сформулированы в текстах протоколов весьма конкретно: должны чтить, должны твердо идти, твердо смотреть, приложить все усилия, проявить полное и единодушное участие в управлении. В целом для выступлений характерна категоричность, что подтверждает частота использования различных форм слова «все». В протоколе заседания граждан Волчяемского сельсовета их насчитывается десять.

Воздействуя на сферу сознания крестьянских масс необходимо было предусмотреть и возможные варианты отторжения призывов партии. В выступлениях агитаторов те, кто «не следует призывам и не чтит заветы Ильича» объявлялись «несознательными», что не только выделяло их из общей массы, но и грозило наказанием. Выступающие неслучайно отмечали количество присутствующих на собрании: раз на собрании мало крестьян, значит мало еще сознательных, значит необходимо усилить пропаганду и предотвратить возможное выражение недовольства, в том числе и путем запугивания. Не случайно в тексте вспоминается Кровавое воскресенье и

указывается на то, что истории известно много восстаний, но они не привели к желанной цели. Такого рода постановка вопроса практически обрекала участников собраний на единогласное принятие резолюции, хотя по ходу заседаний со стороны крестьян задавались весьма неудобные, но насущные для них самих вопросы: о цене на хлеб, о доступности леса и принципах его распределения.

Все векторы обработки человеческого материала соединялись в 1920-е гг. в единое направление: воспитание убеждения в том, что партия (как и Ленин) всюду, что она – все, что без нее – нет ничего. Тоталитаризация позволяла планировать полное подчинение человека нуждам власти путем контроля всех форм его жизнедеятельности, она позволяла заминировать все выходы из тоталитарной системы, подменяя идеи, желания, слова, она подавляла личностные стремления и установки, но при этом она позволяла строить нового человека и новое государство.

Задания:

1. На основе текста лекции и знаний по истории оцените степень эффективности агитационной работы в крестьянской среде.
2. Ответьте на вопрос: Какую роль играла агитация в формировании крестьянского сознания 1920-х гг.?
3. На основе знаний по истории определите направления агитации и контрагитации в крестьянской среде 1920-х гг.

План практического занятия «Экономическое пространство псковской деревни 1920-х гг.»

1. Поземельные отношения.
2. Землеустройство.
3. Распространение арендных отношений.
4. Финансовая сторона деятельности крестьянской поземельной общины.
5. Налоговое бремя крестьянства.

Источники информации:

1. Алиева Л. В. Арендные отношения в крестьянской поземельной общине Северо-Запада России (1922–1928 гг.) // Стратегические направления экономического развития регионов России в XXI веке: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, 7 апр. 2005 г., Псков. Псков, 2005. С. 44–53.
2. Алиева Л. В. Землеустроительная политика советской власти в Псковской губернии в 1920-е гг. // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Вып. 3. Псков, 2008. С. 37–42.
3. Алиева Л. В. Поземельные отношения в крестьянской общине Северо-Запада России (1906–1928 гг.) // Социально-экономические проблемы деревни Северо-Запада России XIX – XX вв. (К 150-летию отмены крепостного права в России). Псков, 2012. С. 46–103.
4. Алиева Л. В. Правовая природа самообложения в деревне 1920-х гг. (на материалах Северо-Запада России) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 г. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России XX–XXI вв. М.; Самара, 2015. С. 343–348.
5. Алиева Л. В. Проблемы землеустройства крестьян Северо-Запада России в годы НЭПа // Проблемы

аграрной истории Северо-Запада России: К 150-летию отмены крепостного права в России. Труды межрегиональной научной конференции, 20–22 сентября 2011 г. Псков, 2012. С. 405–421.

6. Алиева Л. В. Реализация Земельного кодекса РСФСР 1922 г. в контексте эволюции крестьянской поземельной общины // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 24. Псков, 2006. С. 148–152.

7. Алиева Л. В. Финансовая сторона деятельности крестьянской поземельной общины Северо-Запада России в 1920-е гг. // История науки и техники. Сборник трудов третьей Международной молодежной научной конференции «История науки и техники», состоявшейся в Санкт-Петербурге 2–4 декабря 2003 г. Т. 3. СПб., 2004. С. 153–154.

8. Клейменов С. П. Административный и экономический факторы пространственного развития Псковской области: история и современность // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 187–200.

План практического занятия «Пространство власти в псковской деревне 1917 – 1920-х гг.»

1. Роль сельского совета в псковской деревне.
2. Самоуправление в псковской деревне.
3. Сельский исполнитель в пространстве власти псковской деревни.

Источники информации:

1. Алиева Л. В. Сельский исполнитель в пространстве власти русской деревни 1920 – 1930-х гг. // Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской

реформы в России): материалы международной научно-практической конференции. Псков, 2015. С. 49–57.

2. Алиева Л. В. Сельсовет как элемент советской системы государственного управления в 1920-е гг. // Материалы восьмых Псковских архивных чтений 20–21 ноября 2013 г. Псков, 2014. С. 189–194.

3. Алиева Л. В. Трансформация сельского самоуправления в 1917 – начале 1930-х гг. // Органы государственной власти и местного самоуправления в Псковском крае (конец XVIII – XX вв.): очерки истории. Псков, 2014. С. 246–266.

4. Алиева Л. В. Функции и содержание деятельности сельских сходов на Северо-Западе России в 1920-е гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2004. № 20. С. 125–131.

План практического занятия
«Пространство повседневности псковской деревни
1920-х гг.»

1. Внешний облик псковского крестьянства.
2. Язык и речь крестьянского населения Псковщины.
3. Природа и основные виды хозяйственной деятельности псковских крестьян.
4. Семейный быт псковского крестьянства.
5. Строительная культура псковских крестьян.

Источники информации:

1. Алиева Л. В. Политика коллективизации в восприятии крестьян Северо-Запада России (по материалам Псковского, Новгородского и Боровичского округов) // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практических конференций 2002/2003 гг. Псков, 2004. С. 141–149.

2. Антоненко М. Ф. Кроватей и мебели не было: воспоминания // Заря. 2007. 12 января. С. 3.
3. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов: В 2 т. Т. 2. Псков, 2002. 816 с.
4. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов: В 2 т. Т. 1. Псков, 2002. 688 с.
5. Традиционная народная культура Псковской области. Псков, 2005. Вып. 1.
6. Традиционная народная культура Псковской области. Псков, 2007. Вып. 2.
7. Традиционная народная культура Псковской области. Псков, 2012. Вып. 4.
8. Традиционная народная культура Псковской области. Псков, 2013. Вып. 5.
9. Шарикова Н. Крестьянин из деревни Краснораково: история края в судьбах людей // Вперед. 2006. 5 апреля. С. 2.

Темы рефератов и курсовых работ

1. Культура жизнеобеспечения и хозяйство потомков жителей деревни Логозовичи (по этнографическим и архивным материалам)⁹³.
2. Культурно-просветительная работа в псковской деревне в 1920 – 1930-е гг.
3. Крестьянская повседневность: быт псковской деревни во второй половине XIX в.
4. Культура потребления алкоголя в псковской деревне в период НЭПа.
5. Изучение псковской деревни на современном этапе развития исторической науки.
6. Имущественные права женщин псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв.
7. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи: социально-экономический эксперимент в псковской деревне 1920-х гг.
8. Интеграция культурных процессов уездных городов и деревень Псковского края во второй половине XIX в.
9. Агрономическое обслуживание псковской деревни в годы НЭПа.
10. Ассимиляционные процессы в псковской деревне второй половины XIX – начала XX вв.
11. Изменение социальной структуры населения и трудовых ресурсов псковской деревни в условиях модернизации.
12. Псковские деревни в годы Первой мировой войны.
13. Горожане в псковской деревне в первой трети XX в.
14. Ликвидация неграмотности в псковской деревне во второй половине 1920-х гг.

---

⁹³ Тема может быть раскрыта на примере известной автору деревни.

15. Земельные отношения и социальная дифференциация в псковской деревне начала XX в.
16. Забота о здоровье матери и ребенка в псковской деревне конца XIX – начала XX вв.
17. Женское население псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв.
18. История деревни Рашнево: опыт микроисторического исследования⁹⁴.
19. Партийная работа в псковской деревне 1919 – 1927 гг.
20. Материалы фондов волостных комитетов в ГАНИПО как источник изучения псковской деревни (1918–1927 гг.)
21. Изменение роли женщины в псковской деревне первой трети XX в.
22. Историческая реконструкция усадьбы псковского крестьянина XIX в.
23. История псковской деревни периода Первой мировой войны в краеведческой литературе.
24. Зброшенныя псковскія деревни.
25. Пыталовская деревня и её округа: межэтнические связи и архаические элементы культуры.

---

⁹⁴ Тема может быть раскрыта на примере известной автору деревни.

Глоссарий

Модернизация – это комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций традиционного общества, происходивших в мире с XVI в. и достигших своего апогея в XX в. в облике современности.

Пространство власти – географическое и социальное пространство, организованное, структурированное, стратифицированное определённой исторически сложившейся совокупностью властных технологий; определённые площади, территории и регионы, в пределах которых данная власть эффективна или, по крайней мере, формально функционирует.

Пространство повседневности – место, территория, где протекает повседневная жизнь, где происходят повседневные события.

Псковская деревня – сельский населённый пункт с домами индивидуальной застройки, расположенный на территории современной Псковской области.

Социальная позиция – направленность социальных действий личности, характеризующая ее отношение к другим людям, социальным группам, к прогрессу человеческого общества.

Социальная практика – вид практики, в ходе которой конкретно-исторический субъект, используя общественные институты, организации и учреждения, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет общество и развивается сам.

Социальное поле – автономное социальное пространство, которое конституируется специфической силой или силами.

Социальное пространство – совокупность полей, специфических однородных «подпространств».

Социальные отношения – это система многообразных устойчивых взаимозависимостей, возникающих между отдельными индивидами, их группами, организациями и общностями, а также внутри последних в процессе их экономической, политической, культурной и т.п. деятельности и реализации ими своих социальных статусов и социальных ролей.

Социальный процесс – серия явлений или взаимодействий, происходящих в организации, структуре групп и меняющих отношения между людьми или между составными элементами сообщества.

Экономическое пространство – территория в совокупности с расположенными на ней человеческими, материальными и нематериальными ресурсами, инфраструктурой, сложившимися хозяйственными и иными связями, институтами и иными существенными для экономической деятельности факторами.

Источники информации

Источники

Архивные документы

1. ГАНИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 537, 594.
2. ГАНИНО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 412.
3. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2542.
4. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892).
5. ГАПО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20.
6. ГАПО. Ф. 297. Оп. 1 Д. 15, 30.
7. ГАПО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4, 6, 8.
8. ГИАНО. Ф. Р-1123. Оп. 1. Д. 11.
9. ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1379.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 74.

Опубликованные источники

1. Административно-территориальное деление Псковской области (1917–2000 гг.). Справочник. В 2-х кн. Псков, 2002.
2. Вестник Псковского губернского земства. 1884. № 18. С. 286.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. // Официальный сайт «Всероссийская перепись населения 2002 г.». URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13> (дата обращения: 01.04.2015).
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // Официальный сайт «Всероссийская перепись населения 2010 г.». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.04.2015).

5. Псковская губерния. Список населенных мест по сведениям 1872–1877 гг. СПб., 1885.
6. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXV. Новгородская губерния. СПб., 1903.

Литература

1. 6 июля празднование юбилея деревни Островцы: [мой край родной, мой край озерный...: из истории деревни: буклет]. [Б. м.: б. и.], 2013. 1 л.
2. Алексеева Н. История пыталовских деревень: ист.-этнографическое и социально-экономическое исследование деревень Пыталовского района Псковской области. М.: ВИАПИ им. Никонова: Энциклопедия российских деревень, 2005. 317 с.
3. Алиева Л. В. Финансовая сторона деятельности крестьянской поземельной общины Северо-Запада России в 1920-е гг. // История науки и техники. Сборник трудов третьей Международной молодежной научной конференции «История науки и техники», состоявшейся в Санкт-Петербурге 2–4 декабря 2003 г. Т. 3. СПб., 2004. С. 153–154.
4. Алиева Л. В. Политика коллективизации в восприятии крестьян Северо-Запада России (по материалам Псковского, Новгородского и Боровичского округов) // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практических конференций 2002/2003 гг. Псков, 2004. С. 141–149.
5. Алиева Л. В. Функции и содержание деятельности сельских сходов на Северо-Западе России в 1920-е гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2004. № 20. С. 125–131.

6. Алиева Л. В. Арендные отношения в крестьянской поземельной общине Северо-Запада России (1922–1928 гг.) // Стратегические направления экономического развития регионов России в XXI веке: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, 7 апр. 2005 г., Псков. Псков, 2005. С. 44–53.
7. Алиева Л. В. Реализация Земельного кодекса РСФСР 1922 г. в контексте эволюции крестьянской поземельной общины // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 24. Псков, 2006. С. 148–152.
8. Алиева Л. В. Землеустроительная политика советской власти в Псковской губернии в 1920-е гг. // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Вып. 3. Псков, 2008. С. 37–42.
9. Алиева Л. В. К вопросу о проявлениях общинной ксенофобии в крестьянской поземельной общине Северо-Запада России в период проведения столыпинской аграрной реформы // Уголовно-исполнительная система: от подготовки специалиста до практической деятельности. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под общей ред. Б.Б. Казака. Псков: ПЮИ ФСИН РФ, 2009. С. 5 – 9.
10. Алиева Л. В. К вопросу о проявлениях ксенофобии в среде общинного крестьянства Северо-Запада России в 1920-е гг. // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Выпуск 13. Псков: ПГПУ, 2011. С. 56–61.

11. Алиева Л. В. Поземельные отношения в крестьянской общине Северо-Запада России (1906–1928 гг.) // Социально-экономические проблемы деревни Северо-Запада России XIX – XX вв. (К 150-летию отмены крепостного права в России). Псков, 2012. С. 46–103.
12. Алиева Л. В. Проблемы землеустройства крестьян Северо-Запада России в годы НЭПа // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России: К 150-летию отмены крепостного права в России. Труды межрегиональной научной конференции, 20–22 сентября 2011 г. Псков, 2012. С. 405–421.
13. Алиева Л. В. Вклад псковских земских статистиков в изучение социального пространства Псковской губернии второй половины XIX в. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 41. Псков: Псковский государственный университет, 2014. С. 38–41.
14. Алиева Л. В. Сельсовет как элемент советской системы государственного управления в 1920-е гг. // Материалы восьмых Псковских архивных чтений 20–21 ноября 2013 г. Псков, 2014. С. 189–194.
15. Алиева Л. В. Трансформация сельского самоуправления в 1917 – начале 1930-х гг. // Органы государственной власти и местного самоуправления в Псковском крае (конец XVIII – XX вв.): очерки истории. Псков, 2014. С. 246–266.
16. Алиева Л. В. Влияние Первой мировой войны на социальное пространство псковской деревни // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 42. Псков: Псковский государственный университет, 2015. С. 126–130.
17. Алиева Л. В. Документы земельного управления Псковского уездного исполкома об изменениях в

- социально-пространственной картине псковской деревни в 1918 – 1919 гг. // Материалы девярых Псковских архивных чтений 19–20 ноября 2014 г. Псков: Издательство ООО Печатный двор «Стерх», 2015. С. 222–227.
18. Алиева Л. В. Образ Ленина как ресурс тоталитаризации российского крестьянства в 1920-е гг. (по материалам Псковской и Новгородской губерний) // *VÅsture: avoti un cilvÅki. XXIV zin,tniskie lasŌjumi. VÅsture XVIII. Saleniece I., atb. red. Daugavpils: Daugavpils Universit,tes AkadÅmiskais apg,ds iSaulei*, 2015. 16 – 22 lpp.
19. Алиева Л. В. Правовая природа самообложения в деревне 1920-х гг. (на материалах Северо-Запада России) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 г. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России XX – XXI вв. М.; Самара, 2015. С. 343–348.
20. Алиева Л. В. Сельский исполнитель в пространстве власти русской деревни 1920 – 1930-х гг. // Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской реформы в России): материалы международной научно-практической конференции. Псков, 2015. С. 49–57.
21. Алиева Л. В. Социальное пространство псковской деревни в современной краеведческой литературе // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 43. Псков: ПсковГУ, 2015. С. 12–17.
22. Антоненко М. Ф. Кроватей и мебели не было: воспоминания // *Заря*. 2007. 12 января. С. 3.
23. Афанасьев Ю. И. История Гдова. Вып. 13: Мир деревни. Псков: Логос, 2011. 242 с.

24. Барута – уголок древней новоржевской земли: [буклет]. Новоржев: МУК «Новоржевская ЦРБ», 2009. [1] л.
25. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). М., 2004.
26. Безгин В. Б. Сельская власть в обыденном восприятии крестьянства конца XIX – XX вв. // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2004. Т. 10. № 4Б. С. 1217–1226.
27. Белова И. Б. Аграрный сектор тыловых губерний в условиях Первой мировой войны // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X – XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 124–126.
28. Болгатовская волость. Опочецкий район. Псковская область: [буклет]. Опочка: [б. и.], 2007. [1] л.
29. Букалова С. В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X – XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 127–129.
30. Бурлова Г. В. Сельский староста полномочия и деятельность во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Тамбовской и рязанской губерний) // Вестник Тамбовского государственного университета. 2010. Вып. 5 (85). С. 81–86 и др.
31. Васильев М. Е., Васильев Г. М. Велье: история старинного псковского села Велья. Михайловское: Сельцо Михайловское, 2001. 50 с.

32. Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897 – 1959 гг. (историко-демографический аспект). М.-Тула, 2009.
33. Верняев И. И. Поземельные отношения в крестьянских общинах Псковской губернии во второй XIX–начале XX в. // Вопросы этнической истории народов России: межвуз. сб. СПб., 2004. С. 85–96.
34. Виноградский В. Вопросник «Социально-пространственная картина села» // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 430–436.
35. Владыкина Т., Казаков С. Галкин поворот: Почему жизнь столичной девушки круто изменил домик в деревне // RG.RU. URL: <http://www.rg.ru/2004/03/16/galkin.html> (дата обращения: 01.04.2015).
36. Вышгородок. Форпост древнего Пскова / Под ред. Н. А. Цветкова. Пыталово: [б. и.], 2005. 64 с.
37. Говорит Ивахново: Наблюдения над процессом выживания псковской деревни в 1996 – 1998 гг. Joensuu : [б. и.], 2000. 132 с.
38. Данилов В. П., Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России XIX – XX вв.: материалы международной конференции (Москва, 14–15 июня 1994 г.). М.: РОССПЭН, 1996.
39. Добренков В., Кравченко А. История зарубежной социологии // Библиотека «Полка букиниста». URL: http://society.polbu.ru/dobrenkov_histsociology/ch40_i.html (дата обращения: 01.02.2016).
40. Доброноженко Г. Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х гг. XX в. (на материалах Европейского Севера России). СПб., 2008.

41. Дроздов Л. И. Борки – село знаковое: докум. повествование: 60-летию хозяйства «Борки» посвящается. Ч. 2. Борки: [б. и.], 2006. 237 с.
42. Духновская волость. Опочецкий район. Псковская область: [буклет]. Опочка: [б. и.], 2007. [1] л.
43. Егоров В. В. По земле Новоржевской: дорожные эскизы 2. Новоржев: [б. и.], 2010. 183 с.
44. Егоров В. В. Пригород Выбор. Новоржев: [б. и.], 2007. 224 с.
45. Желамский А. Г. Невечерний свет: (страницы истории Чернецовского края). Деревня Чернецово, Псковская область: [б. и.], 2013. 188 с.
46. Жуковская Л. Л. История деревни Верхний Мост. Порхов: [б. и.], 2005. 106 с.
47. Жуковская Л. Л. История исчезнувших деревень на территории колхоза «Заря». Порхов: МП «ПРТ», 2005. 113 с.
48. Зверев В. А. «У жадного брюхо болит»: эпизоды криминальной истории сибирской деревни (первая треть XX в.) // Жить законом: правовое и правоведческое пространство истории: сб. науч. тр. Новосибирск, 2003. С. 126–149.
49. Информационно-аналитическое сетевое издание «Сегодня.Ру». URL: <http://www.segodnia.ru/news/152116> (дата обращения: 01.04.2015).
50. Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков: ПОИПКРО, 1999.
51. История деревень Горской волости, быт, традиции, обряды ее жителей конца XIX – начала XX века / Моисеева Инна; Иванова Надежда: [буклет]. Цапелька: [б. и.], 2006. 1 л.
52. Канищев В. В. Сравнительный анализ естественного движения крестьянства центральных и северо-западных губерний Европейской России во

второй половине XIX – начале XX вв. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: БФУ им. Иммануила Канта, 2012. С. 87–108.

53. Карпачёв М. Д. Столыпинская аграрная политика в освещении английской и американской историографии // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. Тезисы докладов и сообщений XXXI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. М., 2008. С. 55–57.

54. Карпачёв М. Д. О кризисе продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 255–268.

55. Кащенко С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. М.; СПб., 2009.

56. Китанина Т. М. Экономический разрыв с Германией и законодательные акты русского правительства по стабилизации продовольственного рынка в период Первой мировой войны 1914 – 1916 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010. С. 86–88.

57. Китанина Т. М. Аграрный сектор российской экономики в начальный период войны: 1914 – первая половина 1915 гг. (до создания системы Особых совещаний) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 246–254.

58. Клейменов С. П. Административный и экономический факторы пространственного развития

- Псковской области: история и современность // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 187–200. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-i-ekonomicheskii-factory-prostranstvennogo-razvitiya-pskovskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 04.01.2016).
59. Климин И. И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). Т. 2. СПб., 2007.
60. Ковалёв Д. В. Особенности развития крестьянского хозяйства в годы Первой мировой войны (по материалам Московской губернии) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 283–291.
61. Козлов С. А., Швейковская Е. Н. Проблемы социально-экономической истории в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958–2003 гг.) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 158–173.
62. Комарова М. Ю. Сельский староста в системе крестьянского самоуправления в Московской губернии в начале XX в. // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. 2012. № 1. С. 13–15.
63. Кондратьева О. А. Быт и культура крестьян Северо-Запада России в XIX – начале XX вв. // Псков. 2000. № 12. С. 161–164.
64. Коротаев В. И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX в.: Догоняющая модернизация и социальная экология. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Архангельск, 2000. Научная библиотека диссертаций и авторефератов // URL: <http://www.dissercat.com/content/russkii-sever-v-kontse->

xix-pervoi-treti-xx-v-dogonyayushchaya-modernizatsiya-i-sotsialnaya-e#ixzz2y6Jcf9y4 (дата обращения: 05.04.2014).

65. Крестьянская реформа в России. 1861 год. Сборник законодательных актов. М., 1954.

66. Ланцев В. В. Архитектура крестьянской усадьбы Псковского края (конец XIX – начало XX в.) // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф.: в 2 т. М.: МГУП, 2003. Т. 2. С. 82–88.

67. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге 27 мая // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 43. М., 1970. С. 317–332.

68. Лутовинова И. С. Отражение быта в речи псковских крестьян // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф.: в 2 т. М.: МГУП, 2003. Т. 2. С. 218–224.

69. Мусаев В. И. Эстонские крестьяне-колонисты в северо-западных российских губерниях во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России. К 150-летию отмены крепостного права в России. Труды межрегиональной научной конференции 20–22 сентября 2011 г. Псков, 2011. С. 310–325.

70. Мусин В. В. К истории моста в деревне Лосицы на почтовом тракте «Станция Белая – Гдов». СПб.: Лема, 2013. 54 с.

71. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов: В 2 т. Т. 2. Псков, 2002. 816 с.

72. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов: В 2 т. Т. 1. Псков, 2002. 688 с.

73. Население Псковской области // Свободная энциклопедия «Википедия». URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.04.2015).
74. Наушкин В. Р. Край люпиновый. Псков: [б. и.], 2007. 174 с.
75. Не исчезай, моя деревня!: из воспоминаний жителей Гдовского района. Псков: ЛОГОС, 2010. 123 с.
76. Никитина Н. П. Крестьяне-общинники в неурожайные годы // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков: ПГПИ, 1998. № 8. С. 131–133.
77. Никитина Н. П. Должностные лица крестьянского самоуправления // Земля Псковская древняя и современная. Псков: Стерх, 1999. С. 116–127.
78. Никитина Н. П. Полицейские функции крестьянской поземельной общины Северо-Запада России (1861–1906 гг.) // Правоохранительная деятельность Псковской области: история и современность. Псков: издательство Государственного центра народного творчества, 1999. С. 24–28.
79. Никитина Н. П. Селенные и сельские сходы Северо-Запада в пореформенное время (на примере приговоров сельских обществ Псковской и Новгородской губерний) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков: ПГПИ, 1999. № 11. С. 91–97.
80. Никитина Н. П. Виды переделов земли на Северо-Западе России в пореформенный период (1861–1906 гг.) // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 2001. С. 60–69.
81. Никитина Н. П. Деятельность волостных правлений Псковской губернии в пореформенный период // Псковская губерния и ее архив: история и

современность. Псков: Псковская областная типография, 2001. С. 40–43.

82. Никитина Н. П. Арендные отношения в псковской деревне в пореформенное время // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков: ПГПИ, 2002. № 16. С. 122–130.

83. Никитина Н. П. Поземельные отношения в крестьянской общине Северо-Запада России (1861–1906 гг.) // Социально-экономические проблемы деревни Северо-Запада России XIX – XX вв. (К 150-летию отмены крепостного права в России). Псков, 2012. С. 10–46.

84. Никитина Н. П. Крестьянское самоуправление в Псковской губернии в период первой русской революции // Вестник Псковского государственного университета. «Серия Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Выпуск 2. Псков: Псковский государственный университет, 2013. С. 68–70.

85. Никитина Н. П. Волостные писари в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 41. Псков: Псковский государственный университет, 2014. С. 42–49.

86. Никитина Н. П. Волостные старшины в системе крестьянского самоуправления и социальном пространстве псковской деревни (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской реформы в России): материалы международной научно-практической конференции. Псков, 2015. С. 138–148.

87. Никитина Н. П. Документация волостных правлений как источник о повседневной жизни крестьянства Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Материалы девярых Псковских архивных чтений 19–20 ноября 2014 г. Псков: Издательство ООО Печатный двор «Стерх», 2015. С. 170–176.
88. Никитина Н. П. Жизнь псковской деревни в годы Первой мировой войны (по материалам «Дневника крестьянина») // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 43. Псков: ПсковГУ, 2015. С. 51–59.
89. Никифоров В. Г. Деревни Пушкинского края: история, население, судьбы (конец XVIII – начало XX века). Т. 1. Псковская губерния, Опочецкий уезд (ныне – Псковская область, Пушкиногорский район). Деревни прихода Пятницкой церкви Святогорского монастыря. СПб.: Славия, 2014. 260 с.
90. Николаев И. Н. Красные Горки (Краеведческий очерк). Дедовичи: Дедовичская типография, 2000. 40 с.
91. Николаев И. Н. Яски. Вязье (Краеведческие очерки). Дедовичи: Дедовичская типография, 2000. 40 с.
92. Никулин В. Н. Деревня и город (из истории отхожих промыслов крестьян псковской губернии во второй половине XIX – начале XX в.) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: БФУ им. Иммануила Канта, 2013. С. 144–154.
93. Никулин В. Н. Из истории лесных промыслов сельского населения северо-западных губерний России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: БФУ им. Иммануила Канта, 2012. С. 119–138.
94. Никулин В. Н. Льноводство в Псковской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Северо-Запад

в аграрной истории России. Калининград, 2000. С. 19–27.

95. Оськин М. В. Социальная политика государства в деревне Центральной России в годы Первой мировой войны: экономическая ситуация на селе накануне Февраля // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X – XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 119–121.

96. Переслегино: вчера, сегодня, завтра: путеводитель. Переслегино : [б. и.], 2008. 28 с.

97. Петрова Н. В. Крестьянские миграции в Псковской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Социально-экономические проблемы деревни Северо-Запада России XIX–XX вв. (К 150-летию отмены крепостного права в России). Псков, 2012. С. 104–133.

98. Плисак М. В. Дневник крестьянина как источник по истории мировоззрения сельского жителя (1916 г.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 29. Псков, 2008. С. 125–129. URL: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps29/ps_29_11.pdf (дата обращения: 02.12.2015).

99. Расстрелянная деревня / Федорова Н. М.: история деревни Железница: [буклет]. Дедовичи: [б. и.], 2011. 1 л.

100. Ратушняк В. Н. Влияние Первой мировой войны на сельское население и сельскохозяйственное производство Северного Кавказа // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 268–275.

101. Ремизова М. Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической

социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 158–162. URL: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/38.html (дата обращения: 02.12.2015).

102.Рынков В. М. Зерновое хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 291–298.

103.Сайт «Архивы России». URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=502&sid=1442852> (дата обращения: 04.01.2016).

104.Севастьянова А. А. Крестьянские антропометрические характеристики по метрическим источникам рязанской и вятской округ конца XVIII – начала XX вв. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010. С. 56–59.

105.Село Глубокое. Опочецкий район. Псковский область : [буклет]. Опочка: [б. и.], 2007. [1] л.

106.Село Матюшкино. Опочецкий район. Псковская область: [буклет]. Опочка: [б. и.], 2007. [1] л.

107.Село Федоровское. Имение Кутузовых: [буклет]. [Б. м.: б. и., 2007?]. [1] л.

108.Семья и семейный быт пыталовских крестьян в XIX – первой половине XX вв. // История пыталовских деревень: ист.-этногр. и соц.-экон. исследование деревень Пыталовского р-на. М., 2005. С. 19–28.

109.Сидоренко Т. Н. Роль сельскохозяйственной кредитной кооперации Северного Кавказа в решении продовольственных трудностей в годы Первой мировой

войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 276–282.

110. Слово о деревне / Александрова Г. В.: отзывы жителей Гдовского района о книге «Не исчезай, моя деревня!». Гдов; Псков: Гдовская районная центральная библиотека; ЛОГОС Плюс, 2011. 39 с.

111. Столбушино. Скит Епархиального Свято-Успенского Святогорского мужского монастыря. Псковская и Великолукская епархия: [буклет]. [Б. м.: б. и., 2010?]. 1 л.

112. Страхов В. В. К вопросу о доходах российского крестьянства в годы Первой мировой войны // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X – XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 116–119.

113. Тагирова Н. Ф. Изменения хлебных цен и финансовое положение российской деревни в 1914 – 1918 гг. // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X – XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 122–124.

114. Традиционная народная культура Псковской области. Псков, 2005. Вып. 1.

115. Традиционная народная культура Псковской области. Псков, 2007. Вып. 2.

116. Традиционная народная культура Псковской области. Псков, 2012. Вып. 4.

117. Традиционная народная культура Псковской области. Псков, 2013. Вып. 5.

- 118.Трофимова Г. Т. М. И. Семевский о состоянии грамотности крестьян Псковской губернии второй половины XIX в. // Земля Псковская, древняя и современная: тезисы докладов к науч.-практ. конф. Псков, 1992. С. 49–50.
- 119.Федоров А. И. Щир: исторический очерк о селе и его окрестностях. Струги Красные: [б. и.], 2014. 52 с.
- 120.Федоров В. М. Вехно. Новоржев: МП Новоржевского района «Полиграф», 2008. 156 с.
- 121.Федоров В. М. Устиново. Крест мой. [Изд. 2-е, перераб. и расшир.]. Новоржев: [б. и.], 2011. 220 с.
- 122.Федоров В. Устиново. Да ведают потомки. Псков: Гименей, 2007. 147 с.
- 123.Филимонов А. В. Велье и его округа. Псков: ЛОГОС Плюс, 2012. 346 с.
- 124.Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/138/139> (дата обращения: 02.12.2015).
- 125.Филиппова К. Вот моя деревня. Псков, 2001. 32 с.
- 126.Шарикова Н. Крестьянин из деревни Краснораково: история края в судьбах людей // Вперед. 2006. 5 апреля. С. 2.
- 127.Ширшова И. Основные понятия концепции Пьера Бурдьё // Альманах «Восток». 2004. № 11 (23), ноябрь. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm (дата обращения: 03.12.2015).